

Аристарх Барвихин

Монстры «Последнего рая»

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Аристарх Барвихин
Монстры «Последнего рая»

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Барвихин А.

Монстры «Последнего рая» / А. Барвихин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Американский ученый Стэн Джекинс под влиянием личной трагедии, создает Способ Подавления Агрессии Компьютерными Системами (СПАКС). Данная система подавляет агрессивность людей, не позволяя преступникам совершать акты насилия над законопослушными людьми. После долгих приключений происходит запуск СПАКС в планетарном масштабе. Однако после некоторого времени всеобщего мира и спокойствия появились те, на кого эта система не воздействует, включая преступников, развязавших террор мирного населения. Часть посланных для их ликвидации спецназовцев переходит на их сторону. В конце концов СПАКС отключается. Мир погружается в хаос. Главный герой осознает, что рукотворный рай невозможен, если в человеке нет внутреннего нравственного стержня. Роман, написанный в динамичной, приключенческой форме, рассматривает многие стороны внутреннего мира человека, поставленного волею обстоятельств в необычные условия. Содержит нецензурную брань.

© Барвихин А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог. Красный луч за пять секунд до смерти.	6
Глава 1. Катастрофа.	10
Глава 2. Цель жизни – смерть.	23
Глава 3. Преступник и кладбище.	31
Глава 4. Замок Альфом.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Аристарх Барвихин

Монстры «Последнего рая»

Аристарх Барвихин

«Монстры «Последнего рая»

Постапокалиптический боевик

Пролог. Красный луч за пять секунд до смерти.

В быстро пожирающей мир ледяной мгле он внезапно споткнулся и выронил пистолет. К счастью тот упал неподалеку, поэтому Стэн, бухнувшись на колени и лихорадочно шаря вокруг онемевшими от холода руками, все-таки нащупал его, потеряв, правда, на этом несколько драгоценных секунд, а может и минут. Кто их считал?

Сил у него уже не было. Но убегать, уходить, уползать нужно было все равно: ОНИ настигали его, настигали с неумолимостью, какая бывает только в необратимой смене очередного бесцветного дня на очередную такую же бесцветную ночь, возможно последнюю ночь в его растреклятой и никому теперь уже не нужной жизни.

От земли все сильнее и сильнее тянуло холодом. К тому же ветер, этот проклятуший ветер, пронизывающий до самых костей, никак не хотел униматься.

Стэн все-таки заставил себя подняться, сделал еще несколько десятков шагов заплетающимися ногами, и тут внезапно прямо перед ним шумно хлопая крылами и противно крича, вырвалась из травы стая крупных черных птиц. Не переставая пронзительно кричать, они стремительно унеслись в темнеющее небо и растворились в нем без всякого следа. От внезапного появления птичьей стаи он отпрянул назад и тут же, не выдержав многочасового и почти не прекращающегося бегства от неумолимо настигающих его преследователей, повалился без сил прямо на мерзлую каменистую землю, повалился тут же, где только что остановил свой бег. Здесь, на покрытой инеем стылой земле его вдруг окончательно сковал страх, леденя душу еще больше, чем делал это холод с его телом. Он не помнил, сколько пролежал без движения, может пять минут, может час, может вечность. От неимоверной усталости он потерял счет времени.

«Зачем это все? – думал он, закрыв глаза и прижавшись щекой к гладкой холодной поверхности старого пистолета. – Господи, скорей бы конец».

У него уже не было сил ни бежать, ни идти, ни вообще двигаться. Да и был ли смысл вообще что-то делать? Как ему, одиночке, сражаться со всей этой оравой специально обученных убивать профессионалов? Что он, глупый Стэнли Вудворт Джеккинс, и раньше-то не отличавшийся крепостью мышц и особым здоровьем, а за последние годы вымотанный до предела, может поделаться с ними со всеми? Ну, убьет он еще двоих-троих, а дальше что? Останутся еще сотни других, что готовы ради его поимки на всё. Куда можно спрятаться от них, на Луну? Сто миллионов долларов за его голову... Кто из них, привыкших выслеживать и убивать, трижды не рискнет жизнью ради таких бешеных денег? Он даже не знал, сколько их идет по его следу. Да если бы и знал, то что бы это изменило? Предположим, что случится самое невероятное, и он вдруг выживет, скроется, снова переменит внешность и документы, переберется на другой конец света. Ну и зачем? Чтобы до конца своих дней не жить даже, а только существовать в постоянном страхе перед неминуемым появлением охотников за его головой?

Тут, в старомодной «Беретте» еще оставалось целых одиннадцать патронов – полная обойма. Да в обоих запасных обоймах еще двадцать два патрона. Итого тридцать три спасительных увесистых кусочков металла. Для одного человека этого хватит с избытком. Раз – и конец! Ведь пуля летит совсем недолго. И этот ее мгновенный полет закончится резким ударом об органическое соединение по имени Стэнли Вудворт Джеккинс, соединение, которое до сего дня было слишком высокого о себе мнения. Нобелевский лауреат... Один из самых молодых за всю историю присуждения этой престижной премии. Когда-то это что-то значило для него, когда-то он так гордился своим признанием, тем, что его имя практически всегда набиралось более крупным шрифтом, чем название его статей и книг. А сейчас? Сейчас всему этому цена один цент.

Он испугался, что может потерять сознание, и тогда случится самое худшее, чего он больше всего боялся: ОНИ захватят его живым. Значит, последнее, для чего он должен сбросить остатки своих почти уже исчезнувших сил – это не сдать им, не стать слишком легкой добычей. Теперь пусть бегут хоть со всех сторон – он был готов тут же прикончить себя, стоило только впереть в подбородок ствол пистолета и нажать спуск. Стэн порадовался тихой злой радостью: все-таки живым они его не возьмут.

«Интересно, а далеко ли мне осталось до спасительного люка?» – подумал он и посмотрел на электронный навигатор в часах, чтобы сориентироваться на местности в последний раз и... не увидел ничего... Миниатюрный дисплей погас. Он включил кнопку аварийного питания, но вместо привычной картинки высветилась надпись: «Сигнал отсутствует».

«Неужели?! – промелькнуло у него в голове что-то едва похожее на надежду, а сердце застучало быстро-быстро. – Выходит, я почти уже у цели...»

Конечно же, как это он не сообразил, ведь осталось уже совсем немного, чтобы скрыться, ведь там, за покатою вершиной холма начинался спуск. Последний спуск перед тем, как покажется старая коренастая сосна с замаскированным неподалеку от нее люком, под которым его ждало единственное спасение.

Стэн прислушался к темноте, подумал совсем немного и, наконец, решил все-таки рискнуть. Он осторожно приподнял голову, всматриваясь в темноту, но так ничего не смог в ней различить. Очки ночного видения тоже не работали. По всей видимости, он и вправду уже в зоне подавления электронных приборов, в зоне, которую он собственноручно создал вокруг своего тайного прибежища. Вот почему они промахиваются по нему – их электронные прицелы и улавливатели тепла вырубались. Что ж, это хоть и маленький, но все-таки шанс.

Он отшвырнул уже ненужные ему очки в сторону и приподнялся: где-то должны же они быть, эти его противники, не сквозь землю же они провалились...

«А, черт с вами со всеми!» – подумал Стэн, вскочил и, не оглядываясь назад, бросился напрямик к вершине пригорка, петляя и не обращая внимания на внезапный стук автоматных очередей у себя за спиной. Пули прошли где-то далеко в стороне, это дало ему возможность кое-как добраться до вершины и перевалить за нее.

До спасительной сосны и люка под ней оставались уже какие-нибудь две сотни ярдов, как он вдруг оступился и упал, перевернувшись через голову и больно ударившись рукой о камень. В голове у него закружилось, все вокруг поплыло, и тут он по-настоящему испугался, испугался того, что уже не поднимется. Едва придя в себя, он наставил в сторону возможного появления преследователей пистолет и, чтобы хоть на минуту отодвинуть от себя то самое страшное, что должно было неминуемо произойти, выстрелил три раза в темноту сумерек. Пусть знают, что так просто он им не дастся.

Вдруг неожиданно совсем близко от него появились три силуэта. Стэн, почти не целясь, выстрелил раз, потом сразу же второй и третий. Было видно, как преследователи шарахнулись от его пуль и припали к земле. Он же, поднявшись и цепляя неверными ногами каменистую почву, шатко и неуверенно побежал вниз, каждую секунду рискуя вновь распластаться на крутом склоне.

Тут сзади вновь застучали автоматы. На этот раз пули просвистели совсем рядом. Но у него уже не было страха, который был еще совсем недавно, не было даже сожаления – пришло лишь трезвое и будто не его, а чье-то постороннее, чужое и отчетливое понимание всей неотвратимости скорой гибели. Обернувшись, он снова увидел этих троих на склоне – неясные фигуры догоняющих его людей уверенно спускались за ним с пригорка. Сжав зубы, он упал на землю, переполз лицом навстречу преследователям и тщательнее, чем прежде, прицелился.

Как только звук выстрелов отлетел вдаль, он увидел, что там, на склоне, все опять разом упали, и сразу же в ночной тишине загрохотали их гулкие автоматные очереди. Он понял, что все-таки задержал их, заставил считаться с собой, и это вызвало короткое и острое удовлетво-

рение. Расслабляясь после изнузившего его напряжения, Стэн припал на мгновение лбом к металлу пистолета. Он слишком устал, чтобы непрерывно следить за ними или хорониться от их выстрелов, а потому просто тихо лежал, приберегая остатки своей способности сопротивляться на самый последний момент. А те, на гребне пригорка, дружно били и били по нему из автоматов. Но ему все еще везло – пули только проносились мимо, одна даже чиркнула по рукаву, но по счастью не задела его тела.

И тут усталость, неимоверная усталость снова погрузила его в полузабытье, в котором он вдруг совсем явственно увидел давно умершего отца, что был в своей привычной полицейской форме, отец подошел к нему, и вдруг заплакал, чего никогда не делал при жизни. Стэн тоже заплакал и обнял его. А отец стал говорит ему что-то, что именно – разобрать было трудно. Кажется, отец говорил, что не хотел умирать, что собирается к нему, Стэну, в гости... К нему в гости? Почему отец к нему, а не он к отцу? А еще он сказал Стэну, что после умирания никаких тоннелей нет и нет никакого света в их конце. Вообще ничего такого, о чем болтают якобы вернувшиеся обратно. А есть только отвратительный запах гари и еще ужасная обида. И еще отец сказал, что он не может с ним долго говорить, что это его первые и последние слезы и слова тоже последние. И тут отец произнес фразу, которую Стэн ясно услышал и запомнил:

– Живи, сынок, пока есть возможность, живи изо всех сил, потому что нас здесь совсем не ждут.

Всё. Внезапно отец исчез, а Стэн выполз из дремы и очнулся опять.

И тут прямо перед ним, в шагах семи-восьми привстал один из преследователей и взметнул по направлению к нему плазмострел. Но выплеска плазменного импульса не последовало, наверное, у целившегося в него что-то заклинило. Человек еще больше привстал, что-то со злобой выкрикнул. И зачем привстал, сам, наверное, не понял. Прямо под пули. Под его, Стэна, пули, вырвавшиеся из старушки «Беретты» 8000 Пума Джи Инокс, калибр 9 миллиметров, с коротким ходом сцепленных ствола и затвора двойного действия и поворотным, плюющим сейчас стремительными кусками смерти стволом, благо что трехточечный светящийся прицел позволил ему, Стэну, на этот раз не промахнуться, не потратив последние считанные патроны зря.

Тот, в кого он выстрелил, упал.

«Что ж, – усмехнулся он про себя. – Видно не одному мне тут под этим проклятым ветром помирать».

Впрочем, особенно ему радоваться не приходилось: кто их считал, тех, кто ползал сейчас вокруг него с одной-единственной целью: взять его живым или мертвым, но лучше, конечно же, живым, ибо так он, Стэнли Вудворт Джеккинс, Нобелевский лауреат и полный придурок, куда как дороже стоил.

Внезапно справа появилась другая фигура и тоже прицелилась в него, но он опередил гада и выстрелил в него первым – раз, другой и сразу же третий. Тот крикнул что-то и тоже упал. Порыв ветра обжег в очередной раз Стэну лицо, бросив в него пронзительно больно уколотившие его не то кусочки промерзлой земли, не то камешки. Стэн вцепился в рукоятку пистолета и стал держать его прямо перед собой на тот случай, что покажется кто-то еще.

Но никого больше не было. Впрочем, обольщаться и успокаивать себя было нельзя: все они, конечно же, где-то тут, рядом, куда ж им деваться от такого лакомого куска. Он, правда, не очень понял что они там затеяли, потому как прекратили стрелять в его сторону. Знают, сволочи, что он один и что патронов у него, конечно же, мало и на всех их никак не хватит.

Не успел он так подумать, как с их стороны снова началась пальба. Пули взвизгнули гадким визгом где-то прямо над ним. Он прижался что есть силы к земле, уткнувшись в нее уже не чувствующим никакого холода и боли лицом. И лежал так некоторое время без движения. Жадная она, все-таки, жизнь. И жалкая. А вокруг проклятые горы и эта уже совсем пожравшая мир черная как тушь, ночь.

К первой автоматной очереди присоединилась вторая и третья. Пули стали все ближе и ближе ложиться к нему. В голове Стэна мелькнула сквернейшая из мыслей: «Всё, попался!» Все стало просто и до боли безнадежно.

Плюнув на опасность быть подстреленным, он поднялся и заплетающимися ногами не побежал даже, а скорее потащился вперед, попытался увеличить скорость, но сделать это ему так и не удалось. В голове пронеслась мысль об олене, который бежит, пока у него не начнут подламываться колени, и тогда первый из преследующих его волков прыгает и впивается ему в шею. И красная кровь брызжет и на мгновение согревает землю, и бьется в последней судороге тело, и, чувствуя, как его добивают волчьи зубы, олень умирает.

От этих мыслей из его горла вырвался затравленный хриплый крик отчаяния, похожий на вой смертельно раненого животного.

Продолжая кричать, Стэн споткнулся и упал, но тут же, вцепившись в каменистую землю и оцарапав об острые камни руки, вновь поднялся и устремился вперед. Затравленно обернувшись, он увидел, что светящиеся ему вслед огоньки зажженных преследователями фонарей уже виднеются не только сзади, но и по бокам, как бы постепенно обхватывая его в кольцо. Последним усилием воли он рванул к совсем уже рядом стоящей сосне, захлебывающимся диким ревом отчаянно не желающего умирать существа протестуя против неумолимо надвигающейся на него смерти.

И тут он опять споткнулся и упал, на этот раз уже больше не имея никаких сил подняться. После этого он самым нутром своим почувствовал, как сзади к нему устремились уже почти догнавшие его люди, топотом кованых армейских ботинок возвещая всему миру о том, что они, наконец, добрались до своей вожделенной цели.

Стэн не стал тратить время и оглядываться назад, в этом не было никакого смысла, а просто подумал с горечью:

«Что ж, пришла пора нажать спусковой крючок на счет «десять».

Странно, но никакого особого отчаяния или страха он в этот момент не ощутил. Скорее даже это было чувство облегчения. Впрочем, он не стал попусту тратить время на не нужные размышления, вздохнул, приставил холодное дуло пистолета к виску и принялся считать вслух последние оставшиеся в его жизни секунды:

– Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять...

И тут прямо перед ним, в каких-то пяти-семи шагах выросла словно бы из-под земли фигура человека. Стэну сразу же бросилось в глаза, что фигура эта была какая-то странная, что в середине она почему-то много толще, чем вверху и внизу. Человек этот держал в руках какой-то длинный предмет, по очертаниям напоминающий копье с широким наконечником. Не успел Стэн толком сообразить что к чему, как из острия этого копья вдруг с пронзительным и заглушившим все вокруг ревом вырвался ярко-алый луч света и ударил в сторону тех, чей неумолимо приближающийся топот он только что слышал у себя за спиной, а потом стал резко поворачиваться справа налево, а потом слева направо, а потом опять налево и опять направо, жадно пожирая преследовавших его людей и превращая всё вокруг в пылающий ад огня...

Глава 1. Катастрофа.

День, с которого все началось, обещал быть с самого утра вполне нормальным, даже удачным. Этому обещанию у Стэна не было повода не верить. Да и приметы, подняв вверх большой палец, хором давали ему понять, что все будет о'кей.

Даже сон, приснившийся ему этой ночью, был приятный, что обычно у него наблюдалось редко, если бывало вообще.

Трудно сказать, почему сны его, как правило, были плохими. Вроде бы и причин у него для этого никаких не было, если рассуждать логически: а он, как человек математического склада ума, был более чем склонен к рассудочной деятельности. Поэтому никак не мог объяснить для себя подоплеку обычно тяжких, а изредка просто никаких, снов.

Переехавший сюда, в Ньютон, один из самых престижных районов Бостона на Восточном побережье США, он был сейчас на подъеме. Вице-президент огромной компании, утроение зарплаты по сравнению с той, что была в Нью-Йорке, шикарный дом, три новеньких машины, одна из которых под сто тысяч, круглый счет в банке, давно уже переваливший за два миллиона, жена умница и красавица, да еще вдобавок и любящая его, доченька, прелестная Сью, уважение сослуживцев... Все у Стэна складывалось как нельзя лучше. Тридцать три года, возраст Христа – даже не середина жизни, ибо все мужчины в его роду обычно переваливали за восемьдесят.

Спрашивается, чего это им было сниться, этим его проклятым тяжелым снам. Но, однако же, они все снились и снились ему, сколько не ходи по психоаналитикам.

Поэтому он и не любил ночь, ибо с ее приходом наступало время минус, как он сам называл для себя эти часы, которые забирал из его жизни сон, погружая в кошмары и муки, тем более для него тяжкие, что объяснения им он не находил, сколько ни пытался.

В ту ночь, в последнюю ночь перед катастрофой, постигшей его и все человечество вместе с ним, сон вдруг оказался вполне приятным. В семь тридцать, как и всегда, зазвонил будильник. С утра, как правило, он был раздраженным из-за очередного проклятого ночного кошмара, ставшего обычным для него явлением, но после первой чашки кофе и первой сигареты это проходило. Его жена Эмили, хотя сама и не работала, но тоже вставала вместе с ним и отправлялась в другой конец второго этажа будить потихоньку дочь. Да и кто еще будет воспитывать ребенка, как не родная мать, которая дома. Ну не наемная же прислуга.

Душ, завтрак, костюм, галстук, черный кейс из дорогой кожи, нежный поцелуй на прощанье всего семейства, потом завести машину и с места – в карьер, на работу, а там – кабинет, куча подчиненных и почти никого над ним, персональный секретарь-референт. Обычные дела, ланч в каком-нибудь хорошем ресторане. Вторая за день чашка кофе, пятая или шестая сигарета. У секретарши Лиз такие длинные ножки, модная стрижка, декольте. К тому же она чуть-чуть с примесью негритянской крови, что делает ее такой пикантной, особенно в редкие моменты близости. Именно редкие, потому что у них у обоих хорошие семьи, зачем же нужно усложнять налаженную и устроенную жизнь. А еще Лиз удивительно приятно улыбается, вообще у нее очаровательные манеры, стан гибкий, движения грациозные и плавные, возможно это тоже как-то связано с тем, что одна из бабок ее была не то мулатка, не то квартиронка. Поэтому ничего особенного не было в том, что иногда ему приходилось задерживаться в кабинете, конечно же, по делам, это все понимают. А какие же дела без секретарши...

Ножки Лиз... это получше, конечно же, чем ножки барбекю... Он, Стэн, не свинья какая-нибудь, что просто пользуется положением босса, поэтому всячески поддерживает ее, помогает в трудную минуту, несколько раз выручал крупной суммой без всяких процентов, а однажды даже не попросил вернуть ее полностью. Да и вообще Лиз умница, все схватывает на лету и

умеет держать язычок на привязи, если это нужно. Впрочем, в амурных делах ее язычок вполне шустр и раскован...

Жена... что ж, ее он не променяет ни на кого. Его Эмили, его любовь навсегда, была и остается по сей день умницей, не истеричкой, она уже взрослая женщина, а не безмозглая пигалица какая-нибудь, поэтому не позволяет себе никаких дурацких выходов. У неё кто-то там в роду вроде бы был из славян, поэтому черты лица у нее мягкие, все пропорционально и приятно для рук и всего того, что покрыто на нем, Стэнли Вудворте Джеккинсе, кожей... И все-таки главное в ней – такт, мудрость и ум. Ох как редко это сочетается с красотой... Наверное, о чем-то таком между ним и Лиз она все же догадывается, хотя, возможно, и нет, что было бы вообще идеально, потому как он совсем не собирается подвергать их счастливый брак с Эмили какой бы то ни было опасности. Но даже если Эмили и догадывается, чего ему, Стэну, конечно же, не хотелось бы совсем, то поступает мудро, не давая ему этого понять, ибо, в самом деле, какой же смысл устраивать сцены из-за того, что он когда-то там погладил Лиз по попке или изредка оставался поработать лишний час в ее компании. Впрочем, о характере того, что там происходит у него в кабинете, Эмили наверняка не знает, даже если и догадывается о симпатии между мужем-боссом и его секретаршей. Да и кого этим можно удивить в наше-то время? К тому же он, конечно же, не позволит себе ничего серьезного в ущерб семье. Ничего и никогда. Это он знает даже лучше, чем все остальные вместе взятые. Эмили и дочура для него были, есть и будут всегда под номером один.

Поэтому он, как правило, спешил после работы домой, где его ждал домашний, а не из полуфабрикатов каких-нибудь и всех этих дурацких фастфудов, ужин. А потом доченька, разговоры, смех и возня, прогулки вдвоем или втроем, поездки на велосипеде по окрестностям, изредка телевизор, чаще компьютер в компании с дорогой трубкой и таким же дорогим английским табаком, в конце работы четверть часа – максимум минут тридцать поход в Синтернет, давным-давно пришедший на смену Интернету и совершивший очередную революцию в информационных технологиях.

А потом, уже поздно вечером, когда малышка Сью заснет у себя в далекой от спальни родителей комнате, будут взаимные нежные объятия с милой Эмили, искренние поцелуи, великолепный, ни с чем не сравнимый секс с любимой, единственной его возлюбленной: за двенадцать лет их счастливого брака он еще ни разу не поворачивался к Эмили спиной...

Удивительное все-таки это ощущение: засыпать, прижавшись к мягкому и доверившемуся тебе полностью телу любимой, такому знакомому, такому приятному и удивительно пахнущему...

Он получил отличное образование, сразу после окончания Колумбийского университета поступил в корпорацию РОТОНИКС, быстро стал подниматься по служебной лестнице благодаря знаниям и умению ладить с людьми.

Он просто жил и наслаждался жизнью во всей ее полноте, не интересовался политикой и ни во что не лез. Он не состоял ни в какой партии, не участвовал в выборах, пропускал мимо ушей новости, работал, женился, родил и растил дочь, копался в старой технике и ни о чем особенно не задумывался. Ему казалось, что так будет всегда с той неумолимостью, с какой наступает очередной уикенд. Правда, изредка монотонность уикендов разбавлялись встречами с друзьями по работе, походами на хоккей любимой еще с молодости команды Бостон Брюинз или на баскетбол. Остальные виды спорта, если не считать, конечно же, особо почитаемых им шахмат, его не очень интересовали. Впрочем, единственное спортивное мероприятие, в котором он участвовал помимо шахмат, был знаменитый ежегодный Бостонский марафон, в котором он и вся его семья вместе с тысячами других принимали посильное участие, пробегая, конечно же не всю дистанцию, а только несколько миль, дальше же они чаще всего шли до финиша пешком.

Конечно же, были поездки на мыс Код летом и на природу в любое время года. В театры они тут, в Бостоне, ходили редко – это тебе не Нью-Йорк. В этом спокойном, старинном и почти захолустном городе их, театров и прочих общественных увеселений, было раз-два и обчелся, да и уровень их был несравним с ньюйоркским. Правда, тут еще есть Аквариум и поездки к китам, благо что эти гиганты-красавцы были прямо под боком, в каком-нибудь получасе быстрого плавания из бухты. Но все это было, конечно же, не то, что Нью-Йорк. Хотя ему тут нравилось, потому как не давили на мозги все эти бесчисленные ньюйоркские небоскребы, сутолока и людское месиво с утра и до ночи. Впрочем, местный бостонский Музей изящных искусств, хотя и не мог быть сравним с музеем Метрополитен и прочими, что были там, в городе Большого Яблока, но тут был его любимый танец Ренуара, да еще Грез, Сердгент, Копли, десяток-другой прочих совсем неплохих картин. А еще эта старинная кровать в отделе мебели, что тогда, в первый раз, поразила его необыкновенной росписью спинки и остальных частей. Они с Эмили каждый раз ходят к ней, чтобы выразительно переглянуться, тайком, конечно, от дочки: они ведь заказали себе точную копию этой кровати в их общую с Эмили спальню, только шире, конечно же, много шире... Иногда, впрочем, он позволял себе на выходные бридж или покер с сослуживцами по доллару ставка. Вот, пожалуй, и все их развлечения.

Нет, были у них с Эмили ссоры, конечно, без этого семейная жизнь не бывает, но случались они редко и не доходили до высоких нот, а тем более, до крика. И быстро заканчивались восстановлением прежнего мира, особенно если учесть прелесть их общего ложа.

Эмили в последнее время, когда крошка Сью стала подрастать, все больше и больше превращаясь в самостоятельную особу, подумывала об открытии небольшого художественного салона, учитывая ее пристрастие к изящным искусствам и отменный вкус. Что ж, он с удовольствием даст на это денег, да и сама жена вложится, ибо после смерти тетки и оставленного ею для Эмили состояния, у нее тоже было все в порядке со счетом. Да и общий, вполне приличный семейный счет у них с Эмили тоже наличествовал. Поэтому беспокойства по поводу будущности у них обоих не было, по крайней мере, в последнее время. И будущее это, если, конечно, не случится что-нибудь из ряда вон выходящее, виделось им в самых радужных красках.

Этот район Бостона, в котором они жили уже три с лишним года после переезда из Нью-Йорка, был самым дорогим и благополучным во всем и без того спокойном и размеренном городе. К тому же тут можно было размахнуться в смысле участка земли, можно было себе позволить весьма приличный сад за домом. Сад этот, высаженный при их непосредственном участии, был гордостью семьи, а в особенности Эмили, у которой любовь к таким вещам была в роду, ведь ее отец был знаменитым ландшафтным дизайнером, что до своей скоростной смерти в автокатастрофе слыл одним из самых преуспевающих и востребованных специалистов такого рода.

В то утро, подъезжая к центру города по Сторров-драйв и видя поднимающиеся небоскребы делового центра, Стэн вдруг вспомнил свой самый первый день на этой работе. Тогда он практически ничего не делал. Только ознакомился с кругом обязанностей, руководством и сослуживцами, да кое-что восстановил в допотопной программе, никак не желавшей запускаться. Никто ее уже и не помнил, поэтому и не пользовался компьютером, вечно зависающим и еле ворочающимся в те редкие паузы, когда он еще работал. Восстановив утерянный кусок программы, Стэн перезагрузил компьютер, который заработал как миленький.

Сидящий за соседним столом пожилой уже господин, искоса посмотрел на непривычно быстро открывающий окна компьютер и сказал:

– Да-а-а, а мы-то уж думали, не списать ли его вообще. Слушайте, а может, раз уж вы взялись за это, посмотрите и у меня, а то что-то мой компьютер тоже тормозит в последнее время, сам не знаю почему.

Конечно же, Стэн посмотрел. Не удивительно было, что компьютер соседа работал медленно: Стэн вычистил из него уйму всякого мусора, в основном из реестра, да еще целых три вируса.

«Они тут что, вообще не ставят защиту на машины? – удивился он, глядя на то старье, что вычищалось с жесткого диска. – Сколько лет их антивирусным программам? Похоже, что они их не обновляли уже со времени наполеоновских войн».

Его нехитрые действия по улучшению работы компьютеров не прошли незамеченными мимо начальственного ока. Босс пару раз подходил, вставал у него за спиной и одобрительно хмыкал. Один раз он даже похлопал Стэна по плечу, произнеся:

– Давай, давай, парень, наведи тут порядок.

Поэтому, когда первый рабочий день кончился, Стэн покинул свое рабочее место в отличном настроении, захватил по пути домой пару упаковок пива, собираясь посидеть пару часов перед сном около своего новехонького компа, который притащил на днях домой и только вчера вечером полностью загрузил всем необходимым.

Он припарковал машину недалеко от дома, вылез, поставил ее на охрану, подхватил пакет с пивом и зашагал домой, посвистывая на ходу. Едва он свернул за угол, чтобы пройти коротким путем до дома, как чуть не споткнулся о лежащего прямо на земле возле мусорных баков человека.

– О, черт! – выругался он, едва не упав. – И надо ему было тут улечься. Господи, а говорили, что в этом районе нет пьяни!

Но, едва взглянув на лежащего человека, Стэн понял, что тот вовсе не пьян, а мертв...

Хорошее настроение, установившееся у него после окончания первого рабочего дня, сразу же улетучилось. Стэн набрал на смартфоне 911 и сообщил оператору о трупе. Сначала он подумал, что надо подождать полицию. Но потом решил не связываться и отправился напрямиком к себе домой.

За ужином он был, против обыкновения, задумчив. Жена пыталась его разговорить, но на вопросы он отвечал односложно, и к концу ужина она оставила эти свои попытки разузнать, что с ним такое. В конце концов, он сам не выдержал и сказал:

– Напрасно мы сюда переехали.

Не обращая внимания на удивление, написанное на лице Эмили, он поблагодарил ее за отменный ужин, пошел к себе в кабинет и плюхнулся на диван, почти задаром купленный неподалеку на сэйл-ярде. Диван этот был еле втиснут между тремя серверами и густой коаксиальной паутиной кабелей. Он выпил уже половину купленного им пива, но чувство тревоги, вдруг поселившееся в нем, так и не прошло. Трудно сказать, что было тому виной – мертвый человек на улице или что-то еще, но какое-то недоброе предчувствие охватило его, не уйдя даже с последней бутылкой пива.

Но та история с мертвым человеком была давно, сейчас же ему надо было подумать о том, как он решит сегодняшние дела там, у себя в офисе. Поэтому он отогнал от себя воспоминания и прибавил мощности в кондиционере по случаю духоты. Как никогда жаркое солнце вовсю плавило город, дробилось о зеркальные грани небоскрёбов, блестело брызгами на крышах машин, нагревало асфальт так, что он становился мягким. Шумел кондиционер, еле-еле охлаждая машину, повсюду мелькали люди, спеша от одного кондиционированного пространства в другое.

Обивка салона нагрелась так, что все нутро машины пропахло какой-то синтетической вонью.

Вдобавок ко всему Стэн оказался в трафике, закончившимся как это и следовало ожидать, мертвой, не двигающейся с места пробкой.

«Господи, все в этом мире только и делает, что отражает это проклятое солнце, бьющее бликами тебе в рожу со всех сторон! – раздраженно подумал он, стоя в пробке и изнывая от

жары, которая почти не уменьшалась, сколько не включай кондиционер. – Отчего весь этот мир устроен так, чтобы при малейшем нагревании источать непереносимые, тошнотворные запахи?!»

Казалось, что эта растреклятая пробка будет вечной. Стоящие плотной стеной машины не двигались вовсе. Стэн положил руку на соседнее сиденье и отдернул ее: обшивка была как раскаленная сковородка.

Его настроение стремительно падало, он даже не очень понимал из-за чего. Вон и солнце светит, птички поют, выспался отлично без всех этих обычных ночных кошмаров, уже близко конец недели – разве это повод для дурного настроения?

Но все равно, как он ни пытался понять причину своего все возрастающего раздражения, но так и не смог четко определить – почему оно появилось. К тому же во все это примешалась еще какая-то странная тревога. Что за тревога? По поводу чего? Он так и не мог понять.

Чтобы как-то отвлечься от этого своего непонятно по какой причине ухудшившегося настроения он стал переключать радиостанции в приемнике. Но везде был то рэп, то какая-то писклявая девка вопила во всю глотку пошлости, то передавали сообщение об очередном найденном трупе, да еще эта реклама не унималась на всех каналах. Стэн почти механически нажимал клавиши, мечтая только об одном: как он доберется, наконец, до прохладного офиса и займется, наконец, делами, которые наверняка отвлекут его от странного состояния раздраженности неизвестно чем. Он уже хотел было выключить приемник, как вдруг услышал их любимую с Эмили мелодию доисторического Фрэнка Синатры. И тут же вспомнил их сегодняшнюю ночь любви... вспомнил, как Эмили упала в теплое кольцо его рук, пропадая в них, окунаясь в его объятия с таким исступлением, будто обнимала его в последний раз. Он же бессвязно шептал ей что-то безумное, несправедное, понятное только им двоим, пятная белизну ее дивных плеч яркими пятнами поцелуев. А потом они заснули, забыв о времени и о мире, не расплетая сомкнутых рук.

Но короткое приятное воспоминание закончилось вместе с мелодией. И сменилось вернувшимся раздражением. Ему вдруг подумалось, почему это на пустынных улицах богатого Ньютона, куда они переселились после его быстрого продвижения по службе, так много окон с незадернутыми шторами. Какого черта прохожие с интересом поворачивают шеи, пялясь на чужие окна и стараясь рассмотреть все, что есть внутри... Наверное это связано с вечными прямыми трансляциями по телевизору из всех этих частных домов, с этим назойливым подглядыванием в замочную скважину. И чего это так все интересуются чужой жизнью? Наверное, потому, что своей нет. И ладно бы все это было чистым подглядыванием за теми, кто этого не подозревает, а то ведь те, за кем ведется видеонаблюдение для телепередач, сами все знают и добровольно соглашаются, чтобы миллионы глазели на то, как они там живут. Какой-то эксгибиционизм, честное слово! Кто-то из его сослуживцев уверял его, что те, за кем ведется наблюдение, сами и платят за него. Черт его знает, может, это и вправду так?

Эксгибиционизм вообще стал в последнее время чуть ли не нормой.

«Добрый день. Меня зовут Пит. Вот уже двадцать лет как я алкоголик. Мои проблемы начались с того, что в пятилетнем возрасте моя бабушка поцеловала меня в попу». Или эта идиотская программа «Разденься за так». Разделся сам, научи раздеваться другого. Хорошо еще, что она идет поздно, когда дочка уже спит. А эти новости ровно в полночь! Продажи туалетной бумаги за последний месяц упали на 0,74 %. Боже, какой ужас! Но мы этого не скрываем, потому что в интересах общества знать, что происходит на самом деле. В суд города подали иски семь зверски изнасилованных своими женами мужей. После чего в экран лезет голова и знаменитый юрист всерьез рекомендует каждый раз подкреплять очередное взаимное влечение заранее составленными документами, а после завершения всего ставить под ним подписи о признании близости взаимоприемлемой и достаточно удовлетворившей обе стороны. О, господи! А чего стоит эта передача про дурное влияние Санта-Клаусов на сексуальное раз-

витие детей?! Мало того, что с прошлого года перед входом в роль этих бедолаг проверяет полиция. Сегодня это считается недостаточным. В этом году Санта-Клаусам категорически запрещено целовать детей и гладить их по головам. Однако ничего не мешает проводить ежеквартальные всеамериканские конкурсы стриптиза, которые конечно же, отправляют чуть ли не половину выручки в детские фонды. И все под соусом грядущей вот-вот победы над венерическими заболеваниями. Конечно, без партнера оно, разумеется, безопасней, да и разочарований меньше. Так что оголяйтесь без страха и упрека под предлогом благотворительности. Вы оголитесь, а общество помощи несчастным сироткам вас прикроет.

Нет, конечно, он был не из тех, кто против хорошеньких женщин. Он был из тех, кто не считал, что шлепанье секретарш по круглой попке – это преступление, прощенья которому нет и быть не может. Иначе зачем они тогда надевают все их мини-юбочки, с трудом прикрывающие эти самые попки?! Да нет, они, конечно, правильно это делают. Как говорится: минимум материала для максимума обзора. Вот почему он никогда не нанимал на работу несимпатичных женщин. Потому что они обидчивы, глупы и практически сплошь феминистки. А феминизм – это гадость, к тому же заразная и не умирающая, как там над ним не смейся. Сэм был уверен, что единственный способ борьбы с феминисткой – ее полная блокада, лишение ее мужского общества. Пусть змея кусает свой собственный хвост. Ведь, как известно, дополнительные округлости и мягкие местечки совсем не уродуют женщину, а даже наоборот – украшают. Феминистки, признайтесь, наконец, что вы все такие, потому что ни к кому из вас мужчина не мечтает залезть под юбку!

Как это там повествует толковый словарь женского политкорректного языка «A Feminist Dictionary»? «Альтернативная внешность». То есть, попросту говоря – уродка. Этаким вагинальный американец, а по-человечески – американская женщина.

Стэн усмехнулся и подумал: «С ума сойдешь с этими уродками-феминистками! Они ведь всех нас мужчин зачислили в потенциальные насильники. Всех! А все потому, что мужики на их рожи смотреть не могут без тошноты. Вот и вся причина из злобы. Чем больше злятся, тем больше становятся уродками. Не встает на них у мужиков, вот и все. Извращенцы, разумеется, не в счет. Кстати, как они там называют нашего общего с настоящими женщинами друга? Ах, да: «Пенис есть увеличенный клитор. Синонимы: удлинённый половой орган, заменитель фаллоимитатора. Слово пенис считается неполиткорректным, поскольку указывает на отличие женщин от мужчин».

Да... ну и ну...

Стэн усмехнулся еще раз и открыл окно машины в надежде, что оттуда хоть немного подует ветерок. Но снаружи было по-прежнему жарко и невероятно душно. Ослепительно-белое солнце прямо из окна било ему по глазам. Он вытер со лба пот, закрыл окно, достал из автомобильного холодильника бутылку с любимой сладкой водой, отпил из нее. Несколько капель воды упало на рукав пиджака, и Стэн выругался: вскоре должно было состояться совещание у президента компании, а потому он должен быть в идеальной форме.

Наконец длинная змея машин тронулась и медленно вползла в город. Вскоре он уже вошел в офисное здание. Через минуту-другую он покинул лифт на верхнем, главном этаже, свернул направо по коридору, раскланиваясь с коллегами, снова свернул, теперь уже налево. Здесь было тихо и гулко. Безликие одинаковые комнаты, безликие работники в одинаковых черных костюмах. Элита корпорации.

Он подошел к двери с надписью «Вице-президент корпорации РОТОНИКС Стэнли Вудворт Джеккинс», механизм тихо щелкнул, и половинки двери разъехались в стороны, открывая путь в его владения.

Он поздоровался с Лиз, чмокнул ее в щечку, благо что никого поблизости не было, вошел к себе, бросил кейс на стол, подошел к огромному, во всю стену, окну, и посмотрел на раскинувшийся перед ним город. Там, над едва виднеющимися в мареве холмами далеких при-

городов, начинавшихся за Комменвелс авеню, собирались грозовые тучи, время от времени выстреливая молнии, сопровождающиеся раскатами грома.

«Вот почему так парит», – подумал он, глядя на постепенно темнеющее небо над холмами, которые можно было видеть только с этого, самого высокого этажа небоскреба, на котором находилось высшее руководство фирмы, включая и его самого.

Он вернулся к столу, сел в удобное офисное кресло с высоченной спинкой, вытащил из ящика стола доклад, который должен был прочитать сегодня, и еще раз пробежал глазами знакомый почти наизусть текст.

Потом откинулся на спинку кресла и, включив телевизор, занимающий полстены, стал насвистывать веселую мелодию.

На экране возник диктор седьмого канала и начал что-то говорить, но вспыхнувшая за окном молния и сразу же раздавшийся вслед за ней раскат грома заглушил его слова.

За диктором появилось изображение знакомого Стэну района. Зеленые лужайки, аккуратные дорожки, чистые солидные особняки – это был Ньютон, его район... Тут же появилось изображение еще более знакомого ему дома – его дома...

– Дьявол! Это что там еще такое! – воскликнул он, не веря своим глазам.

У него вдруг задрожали руки.

И снова вспышка молнии и снова удар грома. Как раз в тот момент, когда голос диктора опять что-то сказал за кадром. Едва утихли раскаты грома, заложившего ему уши, как он услышал:

– ...были взяты в заложники. Террористы выдвигают требование освободить членов их банды, захваченных полицией три дня назад при отражении нападения на центральный офис «Ситизен банка». К сожалению, как стало известно нашему корреспонденту со слов полицейского офицера, возглавляющего операцию по спасению заложников, на этот час хозяйка дома Эмили Джеккинс скорее всего мертва. О судьбе ее дочери, одиннадцатилетней Сьюзен, пока ничего не известно...».

– Босс, босс, вы... – в кабинет ворвалась Лиз, испуганно взглянула на Стэна и замолчала. Молчал и он.

Потом вздрогнул и бросился из кабинета прочь...

Он не помнил, как добрался до дома. Скорее всего, на автопилоте. Впрочем, на полосе хайвея, идущего в Ньютон, машин почти не было: все по-прежнему рвались в центр города, а не из него.

Едва остановив машину, он выскочил наружу, оставив ее на произвол судьбы, сорвался с места и побежал к дому. Пробежав сотни две шагов, не замечая никого и ничего вокруг, он протиснулся сквозь толпу неизвестно откуда взявшихся в этом пустынном районе зевак и остановился у желтых оградительных лент.

Увидев здорового человека в штатском, стоящего у ограждения, он крикнул:

– Кто тут у вас главный?!

– А в чем дело, сэр? – глянул на него тот сверху вниз с высоты своего огромного роста.

– Я хозяин этого дома! – выпалил Стэн, еле переводя дух от бега по жаре.

– Мне очень жаль, сэр, поверьте, мне искренне жаль, но ваша жена мертва, – сказал человек в штатском.

Стэн ничего не смог сказать: слова будто застряли у него в горле.

– Сэр, вам лучше уйти отсюда, – сказал здоровяк. – Тут запретная зона. Вам лучше переждать все это где-нибудь поблизости. Сэр, уходите отсюда, не понятно, что ли, говорю?

– Что? – произнес Стэн, обретя, наконец, способность слышать.

– Я говорю, что вам лучше уйти на время отсюда, пока мы разбираемся со всем этим, – его собеседник вежливо, но твердо взял его за руку, намереваясь удалить прочь.

Стэн вдруг дернул плечом, с невероятной, неизвестно откуда взявшейся силой оттолкнул полицейского и со всех ног устремился к дому, не слыша криков у себя за спиной.

Он ворвался к себе домой и остановился на первом этаже как вкопанный: дом был мертв. Совершенно мертв.

Он понял это пронзительно и отчетливо. Сразу понял. А, поняв, оцепенел и больше уже не двигался.

Сколько длилось это оцепенение, Стэн не помнил. В одно мгновение он превратился в раздавленного горем человека, из которого ушла жизнь.

Стэн долго стоял, не в силах смотреть туда, где лежали две женские фигуры, совсем недавно умерших мучительной смертью самых дорогих ему людей: одна больше, жены и другая поменьше – доченьки...

Единственное, что он еще мог вспомнить о том дне, так это как он нес маленькое, безжизненно повисшее на его руках тело Сью, а густые струи ее волос развевались на ветру. В сердце его звучала в этот момент сводившая с ума, тошная, неизвестно откуда взявшаяся и рвущая мозг похоронная музыка. И маленькие руки Сью с розовыми ноготками, безжизненно болтались в такт его шагам, и их уже невозможно было согреть никаким дыханием. Лицо Сью даже в смерти оставалось ангельски прелестным, нежным и удивлённым...

Больше ничего не осталось в его памяти от этого дня: ни суеты множества полицейских и репортеров вокруг, ни двух увезенных пластиковых мешков с мертвыми телами, ни вопросов к нему, ни его ответов. Ничего.

Нет, не совсем так, кое-что он все-таки запомнил.

Он запомнил люк.

Обыкновенный люк, ведущий в коллектор, и находящийся почти у его дома, немного сбоку. Крышка люка была чуть сдвинута. Он сразу это заметил. Подойдя к ней, он отодвинул ее полностью в сторону и посмотрел в открывшийся ему лаз. Круглый узкий тоннель, ведущий вниз и поглотивший скрывшихся в нем от преследователей бандюг, глянул на Стэна могильной чернотой своей глубины и... это было всё, что он помнил в остатке того дня. Впрочем, остальные дни были не лучше и тоже не оставили в его памяти ничего. Вообще ничего.

После гибели жены и дочери он тоже умер... Нет, он ходил, видел, мог даже есть что-то без вкуса и запаха, но все равно он был мертв...

Все это было днем, а ночью начинались эти его сны... и медленно вползающие в них кошмары, бесконечные муки, не дающие отдохнуть, хоть как-то набраться сил, чтобы жить дальше...

После такой жуткой смерти единственных близких ему людей он был едва ли человеком даже, так, какое-то подобие человека, нечто без права на память, ибо она, как только он позволял ей напомнить о себе – превращала его в сплошную рану и гниль. Из липкой топи его памяти всплывали лишь трупы. Он гнал их, гнал как мог, но они тут же возвращались обратно...

Это уже не было осколком его прошлого, скорее это было его проклятием и крестом, тяжким камнем, мельничным жерновом, что лежал на сердце и некому его оттуда было убрать...

А потом... потом у него вошло в привычку причинять себе боль, перебирая самые черные, самые мрачные воспоминания. Какая странная человеческая особенность – держать острый нож памяти поближе к раненому им бесчисленное число раз сердцу...

Память играла с ним мудреную игру, в которой нельзя было смухлевать, нельзя было бросить играть в нее и выйти из-за зеленого стола. Можно было только играть и играть, проигрывая кон за коном единственной победительнице, которая могла бы сжалиться над ним и остановить игру, одним махом прикончив его. Эту победительницу звали Смерть.

Ничего нельзя было с этим поделать, и все уже было давным-давно предопределено в этой его ставшей вдруг бесцветной жизни, в которой он был лишь марионеткой, пытающейся хоть на миг забыть свое прошлое, не помышляющей о будущем, марионеткой, которой суждено

еще какое-то время быть натянутой на чужую, невидимую никем руку. Для чего? Наверное, для того, чтобы еще сколько-нибудь просуществовать в пропахшем средствами против моли сундуке среди прочих дергающихся или уже переставших дергаться кукол... и как не задирай голову и не верти ее в разные стороны – а кукловода все равно нигде не видеть...

Если бы он смог хотя бы раз встретить кого-нибудь, кто мог бы ему внятно объяснить – как же жить человеку, когда из этой его жизни уходит цель. Но таких мудрецов он не нашел. Да и были ли они?

Как много бы он отдал за то, чтобы хоть во сне найти успокоение, но и там ему не было ничего спасительного. Как же везет тем, кто, проснувшись, не помнит своих снов. А он как раз помнил их, он не помнил лишь одного – спал ли он вообще, ибо очередная мучительная ночь его, вытолкав из непереносимых снов в сумерки такого же очередного утра, не давала успокоения и облегчения мук, не давала забыться и хоть сколько-нибудь отдохнуть.

Вся его жизнь была теперь как разбитая ваза с трещиной, в которую все утекало.

Раньше все было так хорошо, так складно и просто. И вдруг полетело к чертям.

Он не был готов к этому.

И сломался.

Внутри у него все горело и распадалось.

И зацепиться было не за что.

В его небе теперь летали птицы с оторванными крыльями. По его Земле бродили люди с вырванными ногами. Волны его океана выкидывали на берег пережеванные акулы плавники.

Он тонул, и никто не мог ему помочь. Потому что никто не знал, что он есть и что тонет. Никто ничего не знал.

Никто не знал и о том, кто были эти убийцы и куда они потом делись. Нет, его, конечно же, расспросили обо всем. Но что он мог им сказать: они наверняка знали больше его.

Конечно, в соответствии с инструкцией, как-то к нему заглянул человек в штатском среднего возраста и средней наружности. Задал пару каких-то пустых вопросов. Так, приличия ради. Они оба понимали, что все это проформа.

Немолодой полицейский вежливо сидел на диване и большей частью молчал. Сидел он очень аккуратно. Не так, чтобы с краю, но и не глубоко, не прислоняясь к спинке. По всему чувствовалось, что ему все-таки не по себе. Хотя он и не производил впечатление новичка в своем деле. Но так бывает: не у всех затвердевает до бесчувственности сердце.

Стэну вдруг почему-то стало жалко этого человека, вынужденного спрашивать его без всякой надежды на хоть какой-то полезный их делу ответ. И он предложил гостю выпить. К удивлению Стэна тот не отказался, не став ссылаться на то, что при исполнении.

Они выпили. Потом еще.

И разговорились.

– Уверенно растущий уровень преступности, бесконечный поток локальных конфликтов, непрекращающиеся войны, терроризм и насилие в наши дни обостряют дискуссии о природе агрессии, – произнес гость, отпив глоток из тяжелого квадратного стакана с марочным виски.

– Агрессия, агрессия! – воскликнул Стэн и зло скривил губы. – Вы всё списываете на агрессию! Хотя вряд ли сможете даже сформулировать, что же это такое.

– Ну почему же? – пожал плечами его собеседник. – Вполне могу. Агрессию определяют как целенаправленное деструктивное поведение, наносящее вред людям или вызывающее у них отрицательные переживания, состояния страха, напряженности, подавленности. Агрессия является весьма сложной формой поведения. И связана во многом с неблагоприятными условиями жизни, особенно в детском возрасте.

– Да уж, некоторые точно свихиваются и дажедохнут от такой жизни, а вот тараканы живут, – заметил с горькой усмешкой Стэн. – И быстро плодятся. У них, правда, дистанция совсем короткая, но им все же больше везет, чем нам, людям.

– Это почему же? – удивился его собеседник.

– Потому что они не думают о жизни. И, тем более, о смерти. Им бы только пожрать и потрахаться. Вот и все.

– Кстати, некоторые люди от тараканов тоже не сильно отличаются, если подумать, – заметил гость.

– Во всяком случае, и тех и других легко раздавить, – отозвался Стэн. – Причем люди еще в большей степени цепляются за ненужную жизнь, борются за неё, скаля зубы и пуча налитые кровью глаза, не желая признавать, что все уже кончено, и что они скоро станут комком разлагающейся слизи.

– Я вас понимаю, поверьте, – сказал тихим голосом полицейский.

– Так ли уж? – усомнился в его словах Стэн.

– Да, так, – произнес гость и пояснил: – У меня самого сын месяц назад погиб в автокатастрофе.

– Мне очень жаль, – сказал Стэн. – Но хотя это и ужасно, но все-таки он погиб не так, как в моем случае.

– В него врезался пьяный. Так что вам, может быть, даже и легче.

– Это еще почему? – удивился Стэн.

– Потому что я вынужден платить налоги, из которых будет удерживаться какие-то центы на содержание в приличных условиях убийцы моего сына. Согласитесь, с этим не очень легко смириться. Так что в жизни по-разному бывает. И падать больно, и подниматься лениво, и на месте стоять тоскливо. Остается только пить или спать. Некоторые, конечно, сразу отправляются на покой... на вечный покой. А большинство все-таки предпочитает хоть вяло, хоть неумело, но все-таки лапками семенить. Все делают шаг – и ты делаешь шаг. Иначе задавят. При этом правил игры понимать не обязательно – фигуре думать вредно, все равно другие передвинут тебя в нужный для них момент – хочешь ты того, или нет. Протестовать и возмущаться бесполезно. Сразу уберут с игрового поля.

– Только не меня, – заверил своего собеседника Стэн.

– Не обольщайтесь.

– Только не меня, – повторил Стэн.

– Значит, вы важная фигура. Вас берегут, чтобы однажды вами же и пожертвовать. Во имя чего-то или вместо кого-то. Так что не обольщайтесь, уверяю вас. Знаете, в чем вся проблема? В призыве договариваться с недоговороспособными существами. Если они недоговороспособные, то обсуждать и договариваться, как-то коррелировать свое поведение с их пожеланиями просто бессмысленно и бесполезно. Возьмем вашу беду. Вы, разумеется, надеетесь, что преступников найдут.

– А вы не уверены?

– Надежда на это есть, потому как на нас давят со всех сторон. Но представьте, что мы их все-таки найдем. Не уверен, что их так уж сурово накажут. Часть из них отделается малым испугом благодаря крючкотворам-юристам, а другие посидят себе, да и выйдут на свободу рано или поздно. И вы тоже будете все это оплачивать из своего кармана послушного налогоплательщика. Вот ведь в чем дело-то!

– И какой же тогда выход?

– А какой может быть выход, когда мы живем в мире, в котором называющие себя людьми объявили войну самим себе и всем остальным прочим, обрушив вечное небо на недолговечную несчастную землю, вскормив своей неиссякающей злобой такое, что плавит свинец, скрепляв-

ший до того витражи в наших рукотворных величественных храмах... построенных ни для кого...

– Вы не верите в бога? – поинтересовался Стэн, искренне удивленный этим рассуждением гостя.

– А вы? – переспросил его тот.

– По правде сказать, иногда я теряю эту веру – так всё тут по-идиотски устроено, – признался Стэн. – Я думаю, что все эти наши искусственные боги натурально умерли. «Иисус, Аллах, Будда – где вы? Где те, кто вас создал, кто писал за вас умные книги?» – спрашивал я все это время и ни разу не получил никакого ответа. Я громко кричал, я вопил: «Где вы?! Где?!». Ну и что? Каков же результат этих моих воплей? Да никакого. Ответом мне всегда было все то же молчание.

– Да, наш мир не назовешь совершенным, – вздохнул гость.

– Совершенным?! – расхохотался Стэн. – Да вы что, у кого повернется язык назвать все это совершенством?! Ну, вы подумайте – что за мир мы себе сотворили! И самое паршивое, что всем нам на это по большому счету плевать, потому как мы есть тупой, упрямый как стадо баранов народ, ни хрена ничего не понимающий из того, что нам говорил этот старый мудрец, читая по двум каменным скрижалям в то время как мы ползали перед золотым тельцом на карачках. Так и живем, сваливая все свои неудачи и грехи на какую-то мифическую бабу, решившую сожрать яблоко в никому не нужном райском саду...

– Да, у нас, людей, все так запуталось, – отозвался гость.

– Мы сами больше путаем, чем кто-то там наверху, – устало проговорил Стэн. – А знаете почему? Потому что рождённый в дерьме может только стать королём таких же рождённых в дерьме, как и он. Такое чувство, что все мы скопом сидим в звездолете под названием «Мараз-мооргазм», который к тому же никуда не летит.

– Да уж, – вздохнул полицейский. – Тут сто раз подумаешь – а стоит ли вообще хоть что-то делать в этом мире такое, что можно назвать толковым или просто полезным делом.

– Выходит, что вы так и не станете искать убийц моей семьи? – с горечью проговорил Стэн.

– Да почему же не станем?! – несколько обиженным голосом произнес его собеседник. – Еще как станем! Вы что же думаете, у нас совсем совести нет, что ли? Но обнадеживать вас понапрасну не буду. Дело это очень трудное.

Закончив разговор, полицейский попрощался, с чувством пожал руку Стэну и уехал, оставив того снова в полном одиночестве, совершенно мертвого внутри.

Он не мечтал теперь ни о славе, ни о деньгах и том, что они могут дать, он мечтал только об одном – о спасительном склерозе...

И еще он пытался привыкнуть к звенящей пиле одиночества, к ее ежедневному надрывному визгу.

Справедливости ради надо все-таки сказать, что иногда он все же пытался взять себя в руки и даже садился поработать за компьютер, пытаясь хоть как-то отвлечься. Но все это было зря. Никакого проку от этих его попыток не было.

Однажды, сидя перед экраном дисплея и глядя на уже бог весть как давно выскочившую на мониторе надпись «По вашему запросу обнаружено 0 сайтов, 0 страниц, 0 файлов», он вдруг подумал: «А разве я что-то запрашивал?».

Чувствуя, что вот-вот рехнется, он все же долго искал и, наконец-таки, нашел место хоть какого-то успокоения, куда стал приходить день за днем, день за днем... потом, правда несколько реже, но все равно не мог без этого места жить... Этим местом было кладбище, где похоронили его жену и ребенка. У него, потерявшего все и всех, это было единственное, без чего он уже не мог жить...

Каждый раз он приносил туда маленькие подарки им обоим: то цветок, то какую-нибудь безделушку... и клал их на один из холмиков – на большой или на маленький... на последнее земное пристанище его Любимой и его Дочери.

Иногда они являлись ему в мучительно-счастливых снах. Малышка Сью бежала во сне к нему навстречу, доверчиво распахнув, словно ангельские крылья, две руки, улыбаясь и смеясь. А иногда там, во сне была она, женщина, прошедшая через его жизнь ярким пламенем свечи, что задули так ужасно просто, словно бы это и впрямь была свеча на ветру. А иногда они обе приходили к нему вместе, отчего он просыпаясь утром и не находя их рядом, плакал...

– Я люблю вас! – кричало его сердце. – Я обязательно скоро встречу с вами!

Его вчера теперь было таким же, как и позавчера... и завтра будет таким же, как и сегодня... он знал это наверняка. Каждое утро он просыпался с ощущением полной бессмысленности своего существования, каждое утро он одевался и выходил из дома, болтался по улицам, залезал в кафешки, сидел на мокрых скамейках... Он искал смысл. И не находил... Все последние годы он жил, чтобы быть нужным... нужным им обоим... им, которых теперь нет...

И однажды наступило утро, когда Стэн решил.

Нехотя вылез он из уже никем не согреваемой кроме него постели и поплелся на кухню. Там он долго стоял в освещенном ярким солнцем прямоугольном помещении, потом вытащил на середину стол, встал на него, снял люстру с крюка, рывком оборвав уже не нужные электрические провода, отодвинул стол в сторону, принес на это место стул, найденную в гараже веревку, сел на стул и стал делать две петли. Потом встал на стул, накинул одну маленькую петлю на крюк под потолком, а другую, побольше, затягивающуюся, накинул на шею. В этот момент ему стало вдруг удивительно хорошо и спокойно. Все вдруг обрело смысл. Внутри него не было и тени сомнения по поводу того, что он намеревался сделать, он прекрасно отдавал себе отчет в своих действиях. А потому был как никогда спокоен, спокоен и умиротворён.

– Потерпите, я сейчас к вам приду, – произнес он вслух и потуже затянул на шее петлю. – Если Бог есть, то мы еще будем вместе...

При этих словах ни одна мышца не дрогнула на его лице... он улыбнулся и пихнул стоящий внизу стул вбок...

Но едва тот упал, как проклятый крюк в потолке вырвало с корнем, и Стэн рухнул на пол кухни, больно ударившись локтем и боком.

Он выматерился, с трудом поднялся с пола, поставил в нормальное положение упавший стул и в изнеможении опустился на него, потом долго сидел ссутулившись, опустив голову и спрятав лицо в ладонях.

Сколько это длилось, он не помнил. И только две женские фигуры, совсем недавно умерших мучительной смертью самых дорогих ему людей: одна больше, жены Эмили и другая поменьше – доченьки Сюзан, чудились ему где-то совсем рядом. Как чудились они ему в тот день, когда он вернулся с их похорон в опустевший навсегда дом. Он долго бродил тогда по пустым комнатам и не мог поверить, что их обеих уже больше нет...

В конце концов, он встал, подошел к холодильнику, достал оттуда бутылку и стал пить прямо из горлышка, кашляя и чертыхаясь.

Потом, не выпуская бутылку из рук, отправился в их с женой спальню, стараясь не обращать внимания на все еще разобранную постель, на разбросанные по всей комнате вещи, белье, на их семейные фотографии. Он ничего не тронул здесь с того самого дня, когда все это произошло. Тут была его комната скорби. Он часто сидел тут в углу, обливаясь слезами и крича время от времени в никуда, пытаясь криком, а еще алкоголем притупить, хотя бы на мгновение уменьшить невозможную, непереносимую боль, которая никак, никак не хотела из него уходить...

Вот и в этот день, памятный день, он, сидя с бутылкой в углу их общей с женой спальни со всей этой хмельной дурью в башке вдруг вспомнил про пистолет. Тот, старый отцовский

пистолет в скрытом от посторонних глаз сейфе. Он кое как встал, нашел ключ, подошел к ничем не приметному столику, отодвинул его в сторону, присел, чуть не свалившись от вновь ударившего ему в голову алкоголя, и открыл панель в стене, за которой обнажилась дверца сейфа.

Он открыл его и достал пистолет. «Беретта» была старая, чуть ли не миллион лет назад выпущенная. Чистая игрушка по сравнению с нынешним оружием. Но больше ничего подходящего для самоубийства у него сейчас не было.

Пистолет когда-то принадлежал его отцу, храброму честному полицейскому в маленьком южном городке. Полное имя машины было «Беретта» 8000 Пума Жи Инокс, калибр 9,0 мм. Сейчас она была единственным в мире предметом, который мог помочь ему безболезненно и быстро лечь третьим холмом рядом с двумя остальными.

Он отлично умел пользоваться этой машиной, наученный еще в юности отцом метко стрелять, но сейчас ему все это было не нужно: с такого расстояния он уж точно не промахнется, да и мишень никуда не убежит.

Стэн усмехнулся.

И тут вдруг в голове у него неожиданно мелькнула мысль о том, что те, кто виновен во всем этом, так и гуляют до сих пор на воле... И еще он подумал, что если угрожает себя прямо сейчас, то они так и будут гулять до конца жизни безнаказанно... и кто его знает, каких еще бед натворят...

Это ошеломило его.

Господи, как это он не догадался раньше, бессмысленно блуждая по миру в поисках хоть какого-нибудь смысла существования, что этот смысл – вот он, рядом. И смысл этот, эта его единственная цель жизни звались Мщение, Возмездие, Кара. Как это там сказал тот, черный парень в старом-старом фильме Тарантино «Криминальное чтиво»? «И совершу над ними великое мщение наказаниями яростными...»? Точно, так он и сказал. Именно великое мщение наказаниями яростными! Да, яростными! И ни один не уйдет от него! Ни один!

В голове у него молниеносно сложился план мести.

Однако он тут же решил не привлекать к себе особого внимания и, обмозговав все как следует, на следующий же день, отоспавшись и приведя себя в некое подобие порядка, отправился на работу.

Глава 2. Цель жизни – смерть.

Никто особенно не удивился его появлению в офисе компании – многие посчитали это лучшим для него способом пережить кризис, уйдя в дело с головой. Однако при этом практически все окружающие Стэна коллеги обратили внимание на произошедшую с ним после трагедии разительную перемену: все его движения стали статичны и невыразительны как у примитивного допотопного робота. Вот он идет ни на кого не глядя и ни с кем не здороваясь, вот отдает распоряжения, вот принимает доклады – все без каких-либо эмоций, без осознания того, что делает. Выражение его лица стало совершенно застывшим. Нет, оно не стало угрюмой, просто оно исчезло, стало никаким. У него был постоянно отрешённый взгляд, губы все время сжаты. Он словно бы жил по инерции, в один день разом потеряв ко всему всякий интерес, он словно бы делал что-то, а на самом деле и не делал, а вернее сказать – не присутствовал в том, что делал.

В конце концов, дела у него пошли совсем плохо, ибо он перестал управлять процессами и людьми, эффективность работы фирмы стала падать день ото дня. Но он ничего не мог с собой поделать: ему это все было уже не интересно и не важно. Конечно, все понимали, что трудно ждать от человека в его положении героических поступков на ниве бизнеса, но интересы фирмы есть интересы фирмы. Кончилось все тем, что вскоре босс предложил ему уйти в длительный отпуск. Стэн хорошо понимал, куда тот клонит, что скорее всего, его уже не возьмут назад, но все равно согласился, потому как на самом деле за его внешним равнодушно-бесстрастным обликом было скрыто нечто, о чем не догадывался ни один человек на свете, а именно – он готовился к возмездию, давно готовился, тратя на планирование его все ресурсы своего незаурядного мозга. Поэтому когда босс предложил ему отчалить, он ни секунды не потратил зря, собрал в коробку все свои пожитки и быстро пошел к выходу из здания, сопровождаемый сочувственными взглядами сослуживцев. Впрочем, ему уже было сейчас не до них, потому что все свободное время он посвятил тому, что искал убийц жены и дочери.

Это было его единственное спасение, это было свидетельство его прошлого, единственное свидетельство того, что это прошлое у него было. И оно, это прошлое взывало к нему о мщении. Он бросил заниматься чем-либо в доме, переключив все внимание на ухаживание за старушкой «Береттой»: ему было плевать на остальные вещи в доме. Что ему было до вещей – вещи живут дольше людей, позволяя хранить память о тех, кто ими обладал когда-то. Как хранило память его израненное сердце, все еще полное любви. Нет, сами Эмили и Сьюзен, как материальные воплощения этой его любви уже умерли, исчезли под холмами быстро осевшей земли, но жив был он, Стэн, и его к ним любовь умирать никак не хотела. Да он и сам этого не хотел.

С того дня, как он вытащил из сейфа старушку «Берету», он стал охотником. С тихими, неслышными шагами, крепкой рукой и острым взором. К тому же у него было оружие. Его руки ласкали его, его тело носило его по городу, его глаза высматривали ему жертву и мишень.

Он был словно одиноко бродящий в поисках добычи волк. Иногда ему казалось, что у него стали волчьими уши, что они приподнимаются, услышав хруст павшей ветки под ногой жертвы, а глаза его при этом расширяются во тьме и вбирают в себя последние крохи лунных отсветов, а руки-лапы пальцами-когтями впиваются в вороненый металл оружия.

Он знал, что «Беретта» при этом тоже дрожала в предвкушении жертвы. Или то была только дрожь его рук-лап? Сейчас он был охотником, он держал в руках смертоносное оружие и оно водило из стороны в сторону своим вороненым жалом в предвкушении скорой и неминуемой добычи, истекая кровавой слюной. А три стрелы, летящие сквозь три круга, изобраа-

женные на рукоятке пистолета, были гарантией того, что другие, маленькие и короткие смертоносные стрелы-пули летят туда, навстречу своим обреченным целям.

Стэн то и дело гладил темную сталь пистолета и при этом улыбался. Это была улыбка радости за своего верного друга, единственного друга, который всегда с ним и который не подведет.

Еще в раннем детстве Стэн любовался этой удивительно красивой машиной, хотя отец и не любил, когда сын пялился на его служебный ствол. Но как было удержаться мальчишке, когда он видел совсем рядом, а не где-то в кино или там по телевизору, настоящий пистолет.

Потом уже, когда Стэн повзрослел, отец научил его стрелять, хотя для этого Стэну пришлось долго его уговаривать.

– Не дело гражданским палить из таких вот пушек, – ворчал отец, глядя на то, как его сын все лучше и лучше овладевает наукой меткой стрельбы.

Ничего не было удивительного в том, что мальчишка, заморожено глядевший некогда на темную матово-черную и почти не блестящую поверхность пистолета, навсегда полюбил его, как любит оружие всякий мужчина, сколько бы лет ему не было отроду.

А если учитывать, что пистолет почти незаметно можно было носить где-нибудь во внутреннем кармане пальто или куртки, не цепляясь за одежду благодаря скругленности граней, то такое сочетание компактности, мощности и высокой кучности стрельбы делало эту машину едва ли не уникальной, хотя и весьма устаревшей. Впрочем, выбирать Стэну не приходилось.

По мужской линии Стэн был родом из Техаса. Поэтому и любовь к оружию у него была в крови. Его отец в молодости покинул родной южный штат в поисках лучшей жизни, пока, наконец, не осел в Лос-Анджелесе, где вскоре женился и родил его, Стэна Вудворта Джекинса.

Стэн еще застал в живых своего деда, здоровенного бугая с лихо закрученными полями стетсона, в высоких видавших виды сапогах со шпорами, с неизменной сигарой в зубах, разъезжающего на допотопном огромном «Кадиллаке» с приспособленным спереди вместо когда-то отвалившегося бампера грубо отесанным бревном.

Отец Стэна внешне не был похож на деда, он был меньше ростом, с небольшими руками и вовсе без тexasского акцента. Однако такой же размашистый, лихой и бесстрашный, как и его отец.

Стэн в чем-то походил на своих предков по мужской линии: любил оружие, имел достаточно независимый и твердый характер – все-таки он был, как тут ни крутись, с примесью тexasской вольницы, к тому же обожал как все в его роду здоровущие сигары, ничуть не смущаясь тем, что они были кубинские, то есть с вражеской, по существу, территории.

А что касается оружия... нет, оно тоже было ему по нраву, но вот охотиться как отец и дед, он не любил. Он вообще был более мирного нрава, скорее всего в мать, полуфранцуженку-полуангличанку, воспитанную в консервативной, благополучной семье.

Мать не очень благосклонно относилась к тому, что Стэн увлекся стрельбой. Отец тоже не был от этого в восторге, говоря время от времени Стэну, что сейчас вовсе не времена Дикого Запада и что с его, Стэна, способностями, надо непременно поступать в колледж. Впрочем, Стэн и сам этого желал, поступив туда с первого же захода. Сделал он это вовсе не из-за того, что к этому его подталкивали родители, а потому что сам любил науки и учебу как таковую. К тому же прекрасные математические способности, феноменальная память и упорство вкупе с умением отлично ладить с людьми и преподнести себя в нужный момент в самом выгодном свете, сделали его карьеру быстрой, легкой и блестящей.

Но пистолет был для него тоже частью жизни, важной частью, ибо он, еще не зная о том, какие испытания выпадут на его долю, нутром чувствовал, что эта красивая смертоносная машина еще очень и очень ему пригодится.

Научился он стрелять быстро, причем, это было не удивительно, ибо он всегда схватывал все на лету и почти не требовал ни в чем повторения. Да и пистолет как нельзя лучше

был приспособлен для своего прямого назначения – вращающимся при каждом выстреле вдоль продольной оси стволом выталкивать из себя пули и метко слать их в нужную его хозяину цель. «Беретта» была отличной машиной, к тому же у нее практически не ощущалось отдачи при выстреле, это было тем более удивительным, что стреляла она пулями крупного, сорокового, калибра.

Стэн благодарил Всевышнего за то, что послал ему такого верного и надежного спутника и друга. Точность стрельбы у «Беретты» была превосходной, такой же была и надежность – за многие годы пистолет ни разу не отказал. А если учесть, что основные ее детали были выполнены из нержавеющей стали, то не было ничего удивительного в том, что он при хорошем уходе и бережном отношении к себе дожил в целостности и сохранности до нынешнего времени, когда в моду повсеместно вошли все эти плазмострелы, моментально вытеснив повсюду остальное оружие. Нет, конечно, выброс раскаленного сгустка плазмы ничего хорошего противнику не обещал, но пока мощнейший плазменный заряд накапливался, а длилось это секунды три-четыре, Стэн успевал бы за это же время выпустить во врагов чуть ли не половину магазина. Вот и считай что лучше – один-единственный, пусть даже и сверхразрушительный выстрел, или полдюжины кусков свинца, летящие тебе в башку. Ведь этот сгусток плазмы надо было еще успеть выплеснуть, к тому же не промахнуться. А на расстоянии в 50 ярдов о точности выстрела из плазмострела говорить, в общем-то, не приходилось, учитывая его вес и сильную отдачу. Хотя, конечно, не приведи Господь под эту плазменную хреновину попасть – обуглишься как головешка, так что останется от тебя разве что горка пепла и углей...

Вот так и сложилось в его жизни, что Стэн сделал ставку на старого, пусть и вышедшего из моды друга и защитника, а не на все эти новые виды оружия, хотя возможно, мнение это было у него чисто субъективным. Ну и пусть, по крайней мере, рукоятка, сделанная по заказу из орехового дерева, лежала сейчас у него в руке, а плазмострел... где ж его носить под пиджаком, курткой или пальто, такую здоровущую хреновень.

Жаль только, что ему приходилось пользоваться глушителем – звук выстрела был слишком тихим, но все равно отзывался в его сердце гулким эхом.

Он жадно, по-волчьи жадно приняховался к чужому страху. Он привык, что жертвы его пахнут пронзительно-ярким ужасом. О, какое это было благоухание! Главное, что он, Стэн, не пах страхом. Он пах порохом, как пахло порохом орудие его возмездия, пахло чуть приторным специфическим запахом прошлого огня, ласкало слух звуком поворота ствола вокруг своей продольной оси. Этим коротким ходом ствола назад происходила невидимая снаружи работа перезарядки смертоносными жалами патронов. И чем чаще был слышен этот звук, тем сластнее было у Стэна внутри: еще один, еще один вычеркивающий росчерк авторучки, еще одним зашифрованным именем в списке становилось меньше.

Он, Стэн, поменялся с ними местами. Теперь он стал охотником за чужими жизнями, предвкушая выплески чужой крови. Теперь он ждал их, искал и находил. Находил тех, кто мнил себя владыками судеб других людей, тех, кто упивался кровью и страхом жертв. Теперь настал его, Стэна, черед...

Первого из семерых он выслеживал долго. И когда увидел его из своего убежища, которое давно готовил и обустроил, то от волнения и нетерпения выхватил «Беретту» чуть раньше времени: до первого в списке оставалось каких-то десять-одиннадцать ярдов.

Стук его сердца так сильно отдавался в ушах, что казалось, будто вся улица слышит его. Он, конечно, прикрыл бы сердце руками, чтобы оно не звучало так громко и неумолимо, не выдавало его, но руки как назло были заняты «Береттой».

Враг его был сильно на взводе. Но когда увидел его, держащего пистолет и прицелившегося, оторопел и протрезвел с такой быстротой, что успел вскрикнуть, развернуться и стремительно броситься прочь, прочь от смерти.

Но холодное черное дуло повернулось к убегающему человеку и радостно выплюнуло кусок смерти. Отдача была у пистолета как всегда маленькая. Чувства и эмоции сжались в комок где-то глубоко внутри Стэна, и только мозг его наблюдал, как молекулы времени слившись с молекулами пули, стремительно догоняли убегающую спину и голову, закончив последнюю песню обреченной человеческой плоти звоном разбитого вдребезги зеркала жизни.

Спасибо отцу, который научил его отлично стрелять, а ведь тогда все это было для него только игрой, только забавой...

Пули рвали тело обреченной жертвы, вгрызались в него словно маленькие адские сверла, вырывая вместе с плотью и кровью заскорузлую огрубевшую душу...

Едва пули достигли цели, как человек повалился прямо перед собой, теряя по дороге к земле остатки черепной коробки и того, что с натяжкой можно было бы назвать сейчас мозгом. Стэн быстро огляделся, подскочил к лежащему на земле человеку и, увидев, что все кончено, вдруг обессилил и прислонился к стене: ему стало по-настоящему дурно, ведь он только что убил человека. Он вовсе не любил убивать, но сейчас он уже не мог повернуть назад.

Едва придя в себя, он спрятал пистолет во внутренний карман куртки и быстро пошел прочь.

Чуть не упустив свою первую жертву, Стэн стал осторожнее. И дышал осторожно, чтобы никто не услышал. Даже он сам.

Он крался под прикрытием ночи по дворам, сливаясь с черными тенями, странно переплетающимися с домами. Он по возможности бесшумно скользил вдоль заборов, оград и стен, быстро перебегая через освещенные участки дорог, предварительно долго осматриваясь вокруг и все равно болезненно ощущая свою незащищенность перед светом.

И снова стоял, то в подворотне, то в темных зарослях кустарника, растущего в обычном городском дворе. И его почти не было видно, сколько ни присматривайся. А в руке у него, согретая его ладонью, ждала своего часа его подруга-смерть, дарящая избранным последние яркие обрывки жизни. Или смерти. Это смотря по тому как на все происходящее посмотреть.

Удобно выполненная рукоятка пистолета обеспечивала Стэну полный контроль и точность прицеливания. А самодельный тщательно сделанный глушитель делал выстрелы похожими на несильное хлопанье в ладоши или на то, как вылетает пробка из бутылки. Пах, пах и третий, последний хлопок – в голову.

Всё.

Еще одно вычеркнутое имя из длинного списка.

Списка, который день ото дня уменьшался.

И что самое странное: он не чувствовал при этом никаких угрызений совести... Впрочем, как и особого удовольствия от содеянного. Это было как хождение на работу. Так нужно и всё. И когда он понял, что не получает от свершившегося правосудия никакого удовлетворения, то объяснил себе это следующим образом: слишком мало предыстории, слишком короток путь от обнаружения цели до ее уничтожения. И он решил играть в открытую, чтобы увидеть, наконец, глаза своих жертв, чтобы напиться этой отравой их животного страха перед неумолимой и скорой смертью.

Поэтому следующую жертву он выманил, оглушил и увез подальше в заранее облюбованный и давно уже заброшенный хлев. Оставив там связанного человека, он вернулся к машине и огляделся. Но никого не было не только поблизости, но и вообще где-нибудь. И тогда он успокоенный вернулся назад, в хлев, чтобы попытаться получить настоящее, несуетное удовольствие от казни.

От удара его ноги дверь хлева распахнулась настежь. В нос шибануло густым, затхлым воздухом, каждый глоток которого был омерзителен. Для других, но не для него, ибо он, наконец, получил возможность не спешить и власть насладиться самим процессом.

Через наглухо закрытые ставни в помещение еле пробивался свет. Стэн достал фонарь и осветил лицо шумно дышащего человека. Тот лежал со связанными руками на вонючем полу и что-то мычал, бешено вращая глазами. И еще он звал и звал на помощь. Совершенно напрасно, надо сказать, потому что никто ему, конечно же, не спешил помогать.

– Говори, сволочь, где Рестон? – поинтересовался Стэн у лежащего на полу человека. Рестон был следующим в его совсем уже коротком списке.

В ответ лежащий на полу промычал нечто нечленораздельное. Еще б ему не мычать – рот-то был заклеен изоляцией. Стэн для разминки пнул его по ребрам.

– Ты мне всё расскажешь! – рявкнул он.

Расскажет, конечно, куда ж он денется. Но позже. А пока эта, как ее, психологическая обработка. Он вынул небольшую бутылку и допил оставшееся в ней содержимое, чтобы отбить этот тошнотворный запах, что не выветривался из хлева никакими ветрами. Пустую бутылку он запустил лежащему на полу в голову, но тот увернулся, и бутылка разбилась о стену. Осколки оцарапали пленнику щеку, из царапин медленно потекла кровь.

– А ты верткий, хоть и дурак, – усмехнулся Стэн, нагнулся и сорвал изоляцию со рта лежащего человека.

– Слушай, тебя ведь Джольсино прислал, да? – отчаянно заговорил тот. – Так ты скажи ему, что я на той неделе верну весь долг, до цента. И еще сверху прибавлю.

– Не знаю я никакого Джольсино, – сказал Стэн.

– Как не знаешь?! – опешил пленник. – Тогда чего тебе от меня нужно?

– Адрес Майкла Рестона.

– Господи, да стоило меня сюда за этим тащить!

И лежащий на полу человек тут же сообщил Стэну нужный ему адрес.

– Ну, всё, развяжи меня, и разбежимся в разные стороны, – сказал он, едва Стэн услышал то, что хотел.

– Вообще-то я не сторонник насилия, – сказал он.

– Я давно заметил, что именно это принято говорить, когда собираются сделать человеку очень больно, – заметил лежащий на полу человек.

– Точно! – рассмеялся Стэн. – Как в воду глядишь.

С этими словами он достал «Беретту» и стал навинчивать глушитель.

– Господи, да за что?! – испуганно закричал лежащий под ним человек. – За что?!

– Помнишь пригород Бостона, где вы убили женщину и ребенка? Их звали Эмили и Сьюзан Джекинс. Помнишь таких, а?

– Ну, помню, – отозвался пленник.

– А знаешь, кто я?

Лежащий на полу отрицательно помотал головой.

– Так вот – перед тобой Стэнли Вудворт Джекинс. Муж без жены и отец без дочери. Здорово тебе сегодня повезло, да?

С этими словами Стэн поднял пистолет и навел его на пленника.

– Тут уж тебе вернуться не удастся, – усмехнулся он, – это тебе не бутылка.

– Ты что?! – завопил тот, кому предназначались эти слова. – Я же человек! Ты же не будешь стрелять в человека?!

– В человека? В человека точно не буду, – заверил его Стэн и добавил после короткой паузы: – А вот в тварь буду!

И, увидев, наконец, долгожданный ужас на лице своего врага, он вдруг передумал стрелять, схватил валявшийся прямо у него под ногами какой-то металлический ржавый прут и размахнувшись им, вонзил его тому прямо в выпученный от страха глаз.

Нечеловеческий вопль спугнул стаю ворон на крыше хлева.

Но зрелище умирающего в агонии человека не стало для Стэна облегчением или удовольствием. Наоборот, от адской картины, открывшейся его взору, его стошнило.

Когда он кое как пришел в себя, враг еще был жив.

Стэн не выдержал и выстрелил в бьющегося в предсмертной агонии, убив его первой же пулей.

Потом он долго стоял и смотрел на только что умершего по его воле человека. И не чувствовал при этом ровно ничего. Ни жалости, ни радости.

Ни-че-го.

Через час его машина была уже далеко... А в кармане лежал сделавший свое дело пистолет, ждущий нового жертвенного животного, положенного на алтарь мщениа.

Он уже ни во что не верил... Раньше, несколько месяцев тому назад, он верил во все: в любовь, в счастье, в мир, в себя... Потом осталась только вера в себя... а сейчас... сейчас и она капля за каплей покидала его. И он уже ничего не мог с этим поделать... ничего...

Поэтому он ждал... ему не оставалось ничего другого, кроме того, чтобы ждать... Он терпеливо и не обращая ни на что внимания, ждал. Ждал одного – когда мушка пистолета совпадет с прорезью прицела... одно за другим, одно за другим семеро последних и важных для себя дел делал он в своей жизни...

Но как только он совершил последнюю казнь, так сразу же почувствовал, что теперь окончательно остался один.

Совсем.

Без Эмили и Сьюзан. И без них, этих семерых из его списка, что в конце концов оказались все как один мертвы. Они, эти обреченные на смерть от его руки семеро, тоже на какое-то время стали смыслом его жизни и ее важной частью, но теперь, с их исчезновением из списка живущих на этом свете, и этого смысла у него не стало...

Он почему-то хорошо запомнил тот, последний в его жизни осмысленный день. Может быть потому, что нашел, наконец, того, седьмого, последнего из всех. Тот день был удивительно солнечным, как и подобает быть весеннему дню. Но он не замечал этого. Для него весна казалась серой бесцветной бесконечностью... Яркие краски давно уже для него поблекли и остались только оттенки серого... К вечеру потеплело, и вдобавок пошел дождь. Из развёрстых пастей водосточных труб мерно текло... Кровь, слизь... нет... скорее всего, вода... Да, конечно же, это была только лишь вода... а часы на руке неумолимо отсчитывали время... последние часы и минуты для того, за кем он следил всю последнюю неделю.

К вечеру пошел настоящий проливной дождь и стал размывать очертания мегаполиса, погружая его в дымку свинцовых капель. Свет фонарей и вывесок блестящими пятнами расплылся в насыщенном водяными каплями воздухе. Нереальный, сюрреалистический город, хаотическое и в то же время гармоничное нагромождение бетона и зеркального стекла. Старинные здания, панели реклам. Траффик, спешащие пешеходы...

Переулок был длинный, узкий и кривой, как позвоночник кифосколиозника, и невероятно грязный.

Наконец стемнело настолько, что Стэн перестал быть виден. Это было именно то, что ему нужно: раствориться во тьме, стать частью ночи.

Дождавшись, когда последний из всех, кто был в его списке, будет готов для выполнения им своей миссии, Стэн вытащил пистолет с глушителем и прицелился. Он был уверен, что сквозь шум дождя никто не услышит легких хлопков, следующих сразу друг за другом. Так оно и получилось.

А потом... потом он стоял у раскрытого окна у себя дома и курил. Сдутые в темноту искорки от сигареты сверкали, улетая во тьму, и быстро гасли.

Он вспомнил силуэт Эмили и Сью у окна, в ту, последнюю ночь перед катастрофой, когда он ходил за почтой, а потом вернулся в дом. Сью плющила о стекло свой розовый носик и

махала вместе с матерью ему рукой. Он помахал им обеим в ответ и быстро пошел к дому, потому что начинал накрапывать дождь.

Тут он опять вспомнил сегодняшний поздний вечер и того, седьмого и последнего из короткого списка... Ему ужасно хотелось курить, хоть это и не помогало успокоить нервы. Просто так было бы легче ждать, коротая время. И, как на зло, он не мог этого себе позволить, не мог внести сбой в хорошо отлаженный механизм возмездия. Он не мог курить, не выпускающая дыма и не оставляющая окурков, потому и не курил. Он покурит потом, позже, дома... когда всё закончится... потом он будет курить сколько захочет... потом, но не сейчас... Сейчас в его силах только расслабиться насколько позволят нервы и ждать... Холодная сталь вселяла радость... наконец он увидел того, кого ждал, осторожно снял пистолет с предохранителя... Прицеливаться долго ему было не нужно, все происходило почти автоматически. С десяти ярдов попасть в такую крупную мишень давно уже не было для него проблемой...

Первое нажатие на спусковой крючок, потом второе... потом он подошел к лежащему на земле и выстрелил в него еще раз... в голову... чтобы наступившая за этим тишина была гарантированной.

Затем он включил автопилот... поставил «Берету» на предохранитель, свинтил глушитель... оставалось только убрать все во внутренние карманы, оглядеться и быстро, но без суеты уйти. Потом пройти пару кварталов, сесть в машину и убраться из этого района.

Едва закончив последнее дело, он почувствовал, что жизнь снова стала утекать из него. Пропал тонус, пропало ожидание завтрашнего дня, пропало всё...

Теперь он ничего не хотел. У него вдруг образовалась невероятная пустота внутри: впереди у него уже ничего не было.

Когда он, наконец, пришел в себя, осознав, что все важные дела в этом мире им уже сделаны, то увидел, что сам этот мир вокруг него переменялся. Реальность оказалась совершенно ему незнакомой. Людские голоса заглохли, знакомые лица исчезли напрочь. Ему стало казаться, что перед ним двигаются, жестикулируя, неизвестные марионетки, произнося слова без смысла. Он не узнавал их, не понимал их языка.

Он никак не мог очнуться и стряхнуть наваждение. А марионетки вокруг него двигались, что-то делали. Какие-то тени вместо людей. А он стоит неподвижно посередине их хаотичного движения с застывшим взглядом и не может вспомнить, что же хотел сделать секунду тому назад. Ему казалось, что вот-вот и он поймет их, узнает чужие непонятные ему слова. Но время шло, а понимание не приходило.

Ему страшно было признаться самому себе, что больше ничего уже не будет. Страшно признаться в том, что смерть забрала у него все, все самое дорогое. И что те, которые ушли, больше никогда не вернуться. И что больше никакого дела у него в этой жизни нет и уже никогда не будет.

Его глаза темнели все больше с каждым днем, как темнела и его душа. Какая-то часть его все же осталась жить, не желала умирать, боролась, хваталась за жизнь. Но ей препятствовал этот его взгляд глубоких глаз, потерявших свет и раньше времени угасших. Эти глаза насмеялись над его жизнью с ее мелкими глупыми радостями, презрительно глядя вокруг с ядовитым цинизмом.

До этого он никогда не был злым. Он мог быть жестким, требовательным, всё, что угодно, но только не злым. А сейчас он вдруг обозлился, к нему пришел дух небытия, чтобы накрыть его всего призрачной пеленой. Пришел, завладел всем его существом и удалился обратно, в преисподнюю, оставив лишь записку «Спасибо за внимание, всегда к твоим услугам, Люцифер».

Люцифер только ушел, но не умер. Он не мог умереть.

Ушел, оставив после себя вместе с запиской нескончаемое и нестерпимое Одиночество как своего верного слугу.

Стэн вдруг почувствовал себя сломанной, брошенной за ненадобностью вещью. Его карнавал прошел, оставив после себя куски битого стекла, пластиковые стаканы и мертвые воспоминания – цветные и черно-белые, радостные и печальные, хорошие и плохие, но всё равно мертвые. Питаясь ими можно протянуть еще пару-тройку лет, не больше. Потом останется гнить в болоте как безмозглый овощ, которому уже ничего не нужно. А потом трясына, громко чавкая, поглотит его, вот и всё...

От этой безысходности и бессмысленности своего существования он стал пить. Пить до такой степени, что однажды не смог добраться до дома из кабака, упав прямо на улице.

Так он и лежал на голом асфальте, пьяный, грязный и не мог, да и не хотел подняться.

Мимо шла пара.

Мужчина остановился, но женщина стала тащить его дальше со словами:

– Пойдем, дорогой, пойдем.

– Сейчас, – сказал мужчина, доставая портмоне. – Только дам денег этому бедолаге.

– Нашел, на кого время тратить, – проворчала женщина. – Это же полное ничтожество.

Стэн с трудом повернул к ним голову, случайно поймав взгляд мужчины.

И узнал его.

Это был один из его бывших сотрудников в фирме, где когда-то он был боссом.

Рука с портмоне на мгновение замерла. Чувство брезгливости вдруг овладело его знакомым, он убрал портмоне и быстро пошел от Стэна прочь вместе со своей дамой.

А ему было на это плевать. Все прошлое, все его посты и достижения были так давно, что казались попросту нереальными.

Холод безразличия вонзился ему в душу тоненькими иголками. Равнодушия никогда не бывает мало. Хватает одной капельки, чтобы свести тебя с ума от ощущения собственной ненужности и бесполезности.

Наконец он осознал, что пора заканчивать, пора подбивать итоги жизни, ибо эта его жизнь имела одну-единственную цель – Смерть. Сначала для них, что были в недлинном его списке их семи человек, а теперь – и для него...

Что ж, оставалось съездить в последний раз на кладбище, попрощаться, потом вернуться домой и сделать то, что и оставалось сделать человеку без всякого стимула жить...

Глава 3. Преступник и кладбище.

День, который он наметил последним в своей уже совсем ему ненужной жизни, был на удивление погожим.

Наконец-то наступило долгожданное утро, последнее утро его дрянного, бессмысленного существования.

Он поднялся в этот день еще засветло, умылся, тщательно и аккуратно побрился, оделся во все новое и, прихватив с собой скорее по привычке, чем по необходимости верную «Берету», отправился в последний раз на кладбище к своим.

Конечно же, то, что он собирался сегодня сделать, не было самым веселым делом в его жизни: ну не радоваться же из-за того, что ты решил распрощаться с этим светом и отправиться на тот. Хотя и горевать по этому поводу он не стал: давно уже он сделал на этом свете всё, что хотел, да и не держало его тут ничто и никто.

И все-таки, как он не был безразличен к происходящему вокруг и в нем самом, предстоящее ему самоубийство нагнало-таки на него тоску. Настроение у него стало отвратительным, отчего трамвай, в который он сел, чтобы добраться до кладбища, наполнился невесть откуда взявшимися уродами. Тетка с синим бородавчатым носом, наступала на ногу какому-то противному старикану с покрытой редким синим пушком головой невообразимой формы. Кретин-негр вяло переругивался с пузатым, как беременная баба, вынашивающая шестерню, мужиком. Какие-то сосунки гремели на весь трамвай своей идиотской музыкой, ухитряясь в такой давке еще и пританцовывать ей в такт. Молодая кривоногая бабеха с прыщавой рожей что-то бубнила в смартфон, поминутно суя туда свою морду, будто бы кому-то там, на другом конце, было интересно ее рассматривать. Все это колыхалось в такт движений трамвая, а на остановках одни уроды выпускали других и впускали других. На сидениях повсюду виднелись грязные ругательства с вопиющими грамматическими ошибками. Поручни прокручивались и были покрыты чем-то липким и вонючим. Интересно, если бы он сейчас ехал в своей машине, неужели все это переселилось бы и туда?

Но мучительная поездка, наконец, закончилась, и он вышел на нужной ему остановке.

И тут он услышал какой-то стук позади. Он обернулся и увидел сидящего у окна малыша, стучащего по стеклу и глядящего прямо на него. Лицо у мальчугана было живое, смешное и очень приятное. Он улыбнулся Стэну. Стэн тоже улыбнулся ему в ответ. Пока трамвай стоял на остановке, обмениваясь пассажирами с улицей, Стэн стоял и смотрел на малыша. Малыш тоже смотрел на него через стекло и, едва трамвай тронулся, помахал ему своей крохотной пухлой ручонкой. Стэн тоже помахал ему в ответ, провожая взглядом быстро удаляющийся кусок железа с плотно утрамбованными белковыми капсулами людей внутри.

Странно как воздействует на человека чужой доброжелательный взгляд. Пока он шел к кладбищу, настроение у него заметно улучшилось.

Едва пройдя в ворота кладбища, он окончательно успокоился и словно очнулся ото сна. Прошел на знакомый участок... сел на скамейку чуть наискосок от уже осевших холмиков земли и долго сидел молча, погрузившись в свои мысли и ощущая, что миром вновь начала править серая безысходность со своими помощниками: тягучим нудным бытом, многобальными штормами невзгод и полным отсутствием смысла жить дальше.

Теперь, когда дело всех последних месяцев было закончено, он почувствовал, как силы окончательно покинули его, отдав во власть неизъяснимой серости бытия. Опять все стало бессмысленно. Ни штиты, ни вялая рябь, ни огромные волны проблем его уже не занимали.

Он смирился.

Он устал.

Он сдался.

И потерял всякую надежду.

А без надежды как можно было продолжать жить? Оставалась только его верная «Беретта», которая ни разу его не подвела, не подведет она и сегодня, когда он выпустит последнюю пулю, нацеленную уже не в других, а в него самого, в самое его сердце, которое уже перестало быть ему нужным...

Маленький воробушек сидел на до боли знакомой могильной плите и весело чирикал, не замечая его настроения. Чирикнув последний раз, он упорхнул, оставив его в полном одиночестве.

Посидев довольно долго напротив последнего приюта своих близких, Стэн наконец поднялся со скамейки, подошел в последний раз к могильной плите, поцеловал ее, погладил на прощанье как гладят тело любимого человека, с которым расстанутся навсегда, повернулся и решительно пошел к выходу.

Выйдя из кладбища, Стэн не спеша отправился на остановку трамвая. Вернее сказать, это были два сцепленных между собой вагона. Сначала бредя к остановке, он, пошарив в карманах и не найдя там денег, снова стал мрачен. Его разобрало зло на все это: надо же было как-то добираться домой, но как, он не представлял себе. И черт его дернул поехать на трамвае, а не на машине!

Идти пешком до дома было слишком далеко. Поэтому он решил схитрить. Зайдя в вагон подошедшего трамвая, он сделал вид, что замешкался с поиском денег, дождался, когда трамвай тронется, и сказал вагонновожатому, что забыл деньги дома. Он надеялся, что ему удастся проехать хоть несколько остановок, но вагонновожатый уперся и настоятельно попросил его выйти. Стэну надо было либо повиноваться, либо попросить у кого-нибудь немного денег, в крайнем случае, объяснить ведущему трамвай человеку ситуацию в надежде, что тот поймет и не станет его выпроваживать. Но тут словно черт его попутал: он ни с того ни с сего взъярился на не виноватого в этом вагонновожатого и обругал его. Впрочем, вскоре он сильно пожалел об этом: к трамваю подъехала полицейская машина, оттуда вылез дюжий блюститель порядка, вошел в вагон и, оглядевшись, спросил:

– Ну, господа, что тут у вас стряслось?

Наверняка полицейского вызвал кто-то из пассажиров. Впрочем, сейчас это было не так уж и важно.

У Стэна еще была возможность как-то попытаться уладить дело, но он, не слушая внутренний предостерегающий голос, в конце концов крикнул полицейскому:

– Вместо того, чтобы защищать этот идиотский порядок, эту свихнувшуюся демократию, лучше бы искали настоящих преступников!

Вот уж было глупо с его стороны так себя вести: полицейский нахмурился, и вежливо, но твердо попросил, обращаясь к Стэну:

– Ваши документы, пожалуйста.

– Зачем вам мои документы?! – возмутился Стэн. – Какого черта вы ко мне пристали?!

Упомянутый Стэном черт как видно решил взяться за дело всерьез, так как полицейский привычным быстрым жестом передвинул кобуру вперед и, взявшись одной рукой за рукоять пистолета, другую вытянул вперед и уже не попросил, а потребовал:

– Ваши документы, сэр!

– Ладно, ладно, офицер, хорошо, я все понимаю, – произнес Стэн миролюбиво, решив все-таки сдать назад и попытаться замять назревающий скандал.

Он похлопал себя по карманам, ища какое-нибудь удостоверение личности. Но карманы были пусты, если не считать как на зло взятого с собой пистолета. Вот уж верная «Беретта» была сейчас ни к чему!

«Черт! Документы где?! Где водительские права?!» – заволновался он уже не на шутку, так как история стала принимать совсем уж неприятный оборот. Увидев, что полицейский продолжает ждать от него хоть какие-нибудь документы, Стэн вновь призвал черта, который и без того уже безраздельно властвовал ситуацией.

– Черт, что это вы на меня так смотрите, сержант?! – произнес Стэн громко и с сарказмом. – Или план решил выполнить по преступникам, прицепившись ко мне?! Нет у меня документов, не взял я их с собой! Что, застрелишь меня из-за этого прямо здесь?!

Здоровяк сержант, не слова не говоря, схватил крепкой свободной рукой Стэна за предплечье, выволок его наружу, подтолкнул к стоящей тут же полицейской машине и приказал:

– Руки на капот!

– Да что же это такое?! – попытался было возмутиться Стэн.

Но все было напрасно: ситуация стала по-настоящему хреновой. Сержант приказал снова, уже повысив голос и давая понять, что собирается довести дело до конца:

– Руки на капот! И не двигайся! Ну! Быстро руки на капот!

Видя, что Стэн все еще не выполнил его приказ, Сержант рывкнул во всю глотку:

– Я сказал: быстро руки на капот!!

Все это полицейский произнес, когда трамвай уже ушел, увозя в своем чреве пассажиров, с любопытством наблюдавших эту картину. Сейчас Стэн и сержант были вдвоем. Полицейский, чувствуя свое явное превосходство, с силой расставил в стороны ноги Стэна, которому ничего не оставалось, как опереться руками на капот патрульной машины. После этого сержант стал привычно, быстро и ловко обшаривать карманы задержанного.

И, конечно же, сразу обнаружил «Беретту»...

Найденный пистолет оказался последним доводом в пользу ареста, тут же послышался звякающий звук металла, по которому совсем уже не трудно было понять, что через мгновение Стэн окажется в наручниках. Это было тем более неминуемо, что он и поделаться-то вроде бы ничего с этим не мог, так как в шею ему уперся ствол пистолета сержанта...

Трудно сказать, как бы развивались события дальше, по крайней мере, судьба планеты наверняка стала бы иной, но тут в мозгу Стэна вспыхнула ослепительно ярким светом единственная и четкая, как военный приказ, мысль: "Бежать!".

И он выполнил этот приказ, вывернувшись от приставленного дула способом, которому его научил еще в молодости отец. Равно как и еще несколькими весьма эффективным приемом самозащиты, которыми Стэн с присущим ему упорством овладел в совершенстве и можно сказать до автоматизма.

Поэтому ему к удивлению полицейского, который верил в свое над ним превосходство благодаря приставленному к его затылку пистолету, удалось извернуться, выскочить из сектора уязвимости, садануть сержанта ногой в живот, отбросив его на асфальт, подхватить лежащую на капоте старушку «Беретту» и кинуться прочь с места его предполагаемого ареста.

Однако он не был таким уж заядлым спортсменом, по крайней мере, точно не профессиональным бегуном, поскольку спиной почувствовал, что кто-то гонится за ним. Обернувшись, он увидел в каких-то ста шагах позади мчащегося вслед ему полицейского: сержант не стал долго валяться на земле и пустился за ним со всех ног, что-то крича на ходу в рацию.

Стэн резко взял вправо, вбежал в какой-то магазинишко и, промчавшись сквозь него, хотел было выскочить через заднюю дверь, но она как на грех была заперта. Он ринулся назад и, чуть не сбив нескольких посетителей и сильно поранив локоть об острый угол металлической полки, ворвался в маленький загаженный туалет на три кабинки.

Он бросился к единственной из всех трех, что была свободна и закрылся в ней. В это мгновение преследующий его сержант тоже вбежал в туалет и остановился, на мгновение растерявшись: перед ним было три кабинки и все заняты. В какой из них был тот, за кем он гнался, он не знал, поэтому остался стоять посередине помещения, ожидая, что Стэн как-то выдаст

себя и избавит его от необходимости ждать, когда все кабинки откроются и выпустят на волю занявших их людей.

Но Стэн не собирался сдаваться. Ему не терпелось узнать, что же там делает этот проклятый приставучий сержант, поэтому он упёрся руками в пол и встал на четвереньки. При этом на пол упало несколько алых капель крови, его крови, сочившейся из разбитой руки. Нагнувшись к нижнему краю дверцы, он увидел, что полицейский стоит несколько сбоку от его временного убежища и, конечно же, не собирается покидать свой пост.

Как на грех одна из соседних кабинок освободилась, таким образом оставались занятыми его, Стэна, кабинка и еще одна.

Через минуту эта вторая кабинка открылась, и из нее выбрался какой-то старикан, кашля и кричтя. Таким образом, Стэн оказался обречен. Но сразу же в голове его снова внезапно вспыхнула, как и несколько минут назад там, на остановке трамвая, все та же мысль-приказ: «Беги, сволочь! Беги!!». А за ней вторая: «Заложник!!».

Резким движением отодвинув задвижку кабинки, Стэн вылетел из нее пулей, бросился к уходящему мелкими шажками старику, обхватил его за шею предплечьем и, приставив к его голове пистолет, крикнул полицейскому:

– Оружие на пол! Ну!! Иначе я ему башку прострелю!!

Сержант, понимая, что Стэн опасен и вполне способен выполнить угрозу, бросил пистолет на пол.

– Пихни ствол ко мне! – приказал Стэн.

Полицейский носком ботинка толкнул пистолет к нему.

– А теперь на пол и руки на голову! На пол, сволочь, на пол я сказал! – рявкнул Стэн.

Едва полицейский оказался на полу, как он, отпустив трясущегося от страха старика, схватил лежащий перед ним пистолет сержанта, засунул его за пояс и бросился из туалета прочь.

Он выбежал из магазина и кинулся в проулок. Не сбавляя скорости, он пробежал по нему, выскочил в торговый ряд, где китайцы продавали всякую снедь и ерунду, быстро миновал их прилавки, свернул в еще какой-то проулок и, поняв, что погони за ним либо нет, либо она сбилась с его следа, прислонился к стене задника какого-то старого, судя по темному кирпичу, построенного лет двести тому назад, дома.

Сердце у него билось как бешеное...

Итак, ему удалось сбежать. Но вот надолго ли – он не знал. Наверняка этот чертов сержант рыщет вокруг в поисках его. А может уже и не один: не даром же он что-то там кричал в свою рацию. Наверняка вызвал подмогу.

Надо было выбираться из этого района. Но как? У него не было денег даже на трамвай. А пешком отсюда до дома... у-у, это черт его знает, сколько можно добираться. Опять черт. Ох уж этот нечистый, попутал он его сегодня! Если бы не он, Стэн наверняка уже был у себя дома. А так...

Но делать было нечего – не оставаться же тут. Он вздохнул, убрал во внутренний карман куртки «Беретту», которую все еще держал в руке, застегнул молнию, прикрыв как следует заткнутый за пояс трофейный пистолет полицейского и поспешил прочь подальше от места стычки с сержантом, углубляясь в совершенно ему незнакомый пригород.

Стемнело. Он уже шел часа три по направлению к дому, отчего ноги его чуть ли не отваливались, сколько он не пробовал присаживаться и отдыхать. От усталости его то и дело пошатывало. От этого люди и дома двигались ему навстречу, слегка раскачиваясь в такт его шагам. Но он шел и шел до тех пор, пока плутания между громадами железа и бетона привели его к огромной рукотворной скале – этакому подобию некоего памятника постапокалиптического времени и его символу. Это был отель «Стрикс» – известное злачное место.

Уже плохо соображая и почти выбившись из сил, он вдруг увидел стоящую перед ним толстую бабу.

– Отдохнуть не хочешь? – осведомилась она хрипловатым голосом.

– Не мешало бы, – признался Стэн, имея в виду, конечно же, совсем другой вид отдыха, нежели тот, какой подразумевала незнакомка.

– Ну, так давай отдохнем вместе, – предложила она.

– Денег нет, – признался Стэн, опускаясь от усталости прямо на асфальт. – Слушай, а, может, у тебя есть? Правда, пяток долларов, мне больше не нужно. Я потом отдам, честно.

– Чего, чего? – осведомился кто-то еще позади него грубым мужским голосом.

Стэн обернулся и увидел, что прямо над ним стоит здоровенный мужик с черной окладистой бородой, яркими накрашенными губами, в мини-юбке и черных ажурных чулках. Через плечо у мужика висела поблескивающая в свете фонарей черная дамская сумочка, по всей видимости, очень дорогая. Обут субъект был в шикарные женские сапожки с маленькими позолоченными шпорами.

Стэн ошарашено смотрел на это чудо природы, с трудом соображая, что это еще за тип.

– Ну, чего сидишь и пялишься? – спросил тот и, ткнув носком сапога в бок Стэна, произнес с нескрываемой угрозой: – Вали отсюда, козел, пока цел!

Стэн вытащил из-за пазухи «Беретту» и, наведя ее на говорившего, поинтересовался:

– В тебя два раза выстрелить или три?

Через минуту пространство перед ним было уже пусто... Он встал, убрал пистолет обратно и пошел по направлению к шумящему неподалеку шоссе. Он точно помнил, что где-то в этих краях есть станция подземки.

«Эх, надо было бы их грабануть слегка, тогда было бы на что доехать домой», – подумалось ему.

Эта была неплохая мысль, хотя и запоздалая.

Станция метро и вправду оказалась неподалеку.

Он спустился в подземный переход, ведущий к станции, и чувство безграничного одиночества снова приняло его в свои объятия. Переход был совсем новым, горели ровными рядами лампы, ни одна плитка ещё не отвалилась, и на стенах красовались только две-три надписи. Но при этом переход был пуст, в нем обитали только человеческие страхи. Звуки его шагов отражались от стен многократным эхом, и Стэну показалось, что он идет по склепу, что в окружающих его с двух сторон стенах замурованы урны с прахом членов какого-то древнего клана. Клана людей, которые жили в давно прошедших эпохах. Среди них было его место, именно среди них, а не среди заводных кукол с гримом чувств на лицах, что суетливо двигались там, наверху.

Идя по переходу, он вдруг вспомнил, что у него совсем нет денег. В отчаянии он обратился к кассирше, пытаясь объяснить свое положение, что-то придумывая прямо на ходу.

Молодая кассирша нахмурила лобик, и ее безразличный взгляд скользнул по Стэну.

«Ты правильно поняла, детка, я выгляжу не очень...» – подумал он и вдруг решил, что сейчас достанет один из пистолетов и силой оружия заставит эту тупоголовую дуру пропустить его на станцию.

Но тут кассирша вытащила откуда-то из-под стойки огромный сэндвич, откусила кусок и сказала, громко чавкая:

– Ладно, идите уж так.

Стэн растерялся – он не ожидал от нее такого.

– Вы... я что-то не понял... мне можно пройти? – произнес он глухим голосом, не веря в свое везение.

– Идите, идите, – проговорила кассирша и, видя, что он все еще стоит на месте, добавила, вытирая рот тылом ладони: – Да идите же, пока я не передумала!

Он вышел из оцепенения, поблагодарил кассиршу, быстро спустился в вестибюль станции, и тут оковы одиночества снова стиснули ему сердце.

Никого вокруг. Только холодная и гулкая тишина едва освещенного пространства и завывание сквозняка.

Он стоял у края платформы и смотрел на то, как две небольшие крысы деловито снуют между рельсами, занятые своими важными делами.

Подъехал поезд. Он зашел внутрь и сел на свободное место. Двери-гильотины вагона тихо стукнули, отсекая пространство вагона от двинувшейся влево станции. Он смотрел в темное стекло, смотрел на своё отражение. Неподвижная маска лица с провалами на месте глаз, с выбеленной мёртвым светом кожей.

Вскоре двери вагона с шипением вновь разошлись, и вагон обменялся со следующей станцией дюжиной-другой людей. У каждого была своя жизнь, своя судьба и своя цель. В молодости у него дух захватывало от почти космических масштабов индивидуальности. Подумать только – на Земле живет больше десяти миллиардов людей, и каждый – единственный... В то время он был уверен, что люди умны и добры, что, в конце концов, благо общее победит благо личное. И верил в рай на Земле, а потом, повзрослев немного – в демократическое государство, а еще потом – в будущую длинную счастливую жизнь и страшно далекую достойную старость...

Теперь же он ни во что не верил...

– Мама, мама, смотри – дяде плохо, – раздался совсем рядом с ним детский голосок.

Это был прелестный мальчик лет шести-семи, большими тревожными глазами глядящий на него.

– Ничего, малыш, все пройдет, – вымученно улыбнулся Стэн, но произнес это как-то неубедительно, поняв это по все тому же тревожному взгляду мальчугана. – Все пройдет... – повторил он. – Когда-нибудь...

Через час он уже был в своем районе, еле плетясь свинцовыми ногами по направлению к снимаемой им маленькой квартирке на третьем этаже. Свой собственный дом, в котором он жил вместе с женой и дочерью, он покинул, не в силах больше там оставаться. Да и денег на его оплату у него уже не было: он давно нигде толком не работал, уволившись с прежней службы, потеряв к ней всякий интерес, впрочем, как и ко всему на свете тоже.

Утомившись до крайности, он все же двигался по направлению к своему новому убогому жилищу на автопилоте как загулявший пьяница, тащащийся домой с очередной попойки... Впрочем до пьяницы ему оставалось совсем немного.

Нельзя сказать, что он особенно радовался тому, что скоро доберется домой. Да и что это за дом, если посудить – так, жалкая дыра. К тому же место, в которое он перебрался, элитным тоже не назовешь. Да и вообще район этот был наполовину диким, наполовину тупым. Обитали в нем люди непростые, изрядно побитые жизнью.

Если сказать честно – то это был не очень хороший квартал, а если еще честнее – просто поганый. Ночью на улицу тут выползали только те, у кого совсем поехала крыша. И случись здесь что – никто их не остановит, и никто не приедет на вызов. Если успеешь сделать это вызов, конечно.

Паршивое тут было место... Это он чуял всеми потрохами. Но зато почти дармовое.

Плетясь по едва освещенной улице к своему дому и решив дать себе отдых, он прислонился к дереву и закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, в глаза ему ударил резкий, ослепительно яркий свет: из подъезда напротив, освещенного изнутри, вышла молодая парочка. Парень постоянно лез целоваться, а девушка его игриво отпихивала. Но, наконец, настойчивость взяла верх, и они остановились, слившись в долгим поцелуе.

Стэн хотел было отвести глаза в сторону, но тут заметил, что это его дом: автопилот, работающий внутри него, все-таки благополучно привел его к нему.

Парочка продолжала целоваться. Стэн с трудом оторвал от дерева измотанное тело и, сколько у него доставало сил, поспешил мимо целующихся к себе домой.

Он вошел в парадное, споткнулся о ступеньку, но все-таки удержался и не упал. Однако при этом случайно задел о перила ободранный еще днем локоть, отчего из раны снова засочилась кровь. Не обращая на это внимания, он отпер входную дверь в подъезд и потащился по лестнице вверх. Вдруг откуда-то донесся чей-то хохот. Затем послышался звон разбитого стекла и женский вопль.

Плевать. Вот она, его дверь. Он вставил ключ в замок.

Дверь открылась. Он толкнул её, захлопнул и тут же повалился в изнеможении на пол прямо в маленькой прихожей.

Чуть придя в себя, он с трудом поднялся, содрал верхнюю одежду и, шатаясь, побрел в ванную. Кое как обмыв рану, он плеснул на нее из флакона туалетной водой, морщась от боли и матерясь. Потом завязал рану полотенцем, пошел в комнату и как был в одежде, рухнул на кровать, ощутив приятную мягкость подушки.

Он подумал:

«Подушка, наверное, хорошо впитывает кровь... потом ее не отстирать. А-а, хрен с ним, с этим потом... это ведь будет потом... все потом... завтра... не сейчас...».

Весь следующий день он провалялся в постели, изредка проваливаясь в полудрему.

Окончательно он пришел в себя только к вечеру.

Поднялся, опухший от сна, кое-как ополоснул лицо, поел. Потом включил компьютер, заглянул в Синтернет, порыскал там, не нашел ничего такого, за что мог бы уцепиться его мозг, выключил машину, подошел к окну.

Там, за окном чужие бесчисленные окна постепенно одно за одним гасли, не моргая, погружая город во мглу, освещаемую редкими фонарями.

Он отошел от окна и включил от нечего делать телевизор.

После он не мог сказать с точностью – случайность это была или закономерность, ведь он так редко смотрел что-нибудь по ящику, почти не включал его. Однако именно в тот вечер он нажал на кнопку пульта, экран загорелся, и оказалось, что передают новости.

Внезапно он увидел себя. Нет, не реального, а на фотороботе. Это был, конечно, не настоящий его портрет, но очень похоже.

Диктор сообщил, что его, Стэна, уже вторые сутки разыскивает полиция города и штата за неподчинение, захват заложника и незаконное ношение оружие.

Стэн немедленно выключил экран, словно бы это могло отрезать его и внешний мир друг от друга.

Стало так тихо, что слышно было, как бьется его сердце. Или это были часы? Да нет же, все часы в комнате электронные, откуда им стучать...

С этого вечера он стал принимать меры предосторожности, дабы не попасть в руки полиции. Для этого он решительно прекратил появляться на улице днем, выходя из дома только поздно вечером, да и то только по необходимости, в основном за едой.

Так было и в тот вечер, когда он тоже вышел в город и побрел за несколько кварталов в магазин, работающий круглые сутки.

На улице была почти непроглядная тьма, разбавленная светом редких фонарей. Он медленно шел, позволив себе хоть немного прогуляться, подышать прохладным ночным воздухом.

И тут услышал впереди приближающийся стук женских каблучков. Было темно, поэтому он не видел – кто это там идет ему навстречу.

Внезапно ночная тьма выпустила из своих объятий прекрасную незнакомку-блондинку в ослепительно-красном платье.

Она шла спокойно и быстро, появившись перед ним словно призрак.

Сердце у него замерло, а потом забилося как бешеное: молодая женщина была так прекрасна... Она вошла в круг света, отбрасываемого фонарем, и его сердце оборвалось: женщина была точь-в-точь, как в доисторическом фильме, который он очень любил – в «Матрице», серия первая, когда Нео и Морфеус были в демонстрационной программе...

Ну что же это такое?! Тогда все было миром, а сейчас?.. Что, он в самом деле находится в «Матрице»? А, может, это просто сон?

Прекрасная незнакомка на мгновение остановилась, поравнявшись с ним, посмотрела на него, едва заметно улыбнулась, после чего пошла дальше, и туфли ее застучали у него за спиной, удаляясь все дальше и дальше в темноту.

Он вышел из оцепенения, резко обернулся, но прекрасной незнакомки уже не было видно в крошечной темноте...

«Может, так и надо? – подумал он, все еще стоя на месте и глядя в ту сторону, куда ушла прекрасная блондинка, неизвестно каким образом очутившаяся в этом поганом районе. – Может, пора очиститься от всего... Наверняка это был мне знак свыше... Вот так – взять и пальнуть себе в ноющее сердце или в башку из двух стволов сразу. Впрочем, вполне хватит и одного...».

Он еще некоторое время постоял в нерешительности, не зная, что ему сделать: идти в этот проклятый магазин за дурацкой едой или сразу же вернуться домой, чтобы покончить со всем этим. А, может, застрелиться вот здесь, на улице? Увы, сейчас сделать это было невозможно: у него не было с собой никакого оружия, так как оба пистолета он предусмотрительно оставил дома, не желая из-за них снова влипнуть в какую-нибудь поганую историю.

Все-таки голод победил его решимость убить себя. Уговорив эту свою решимость подождать еще немного, он снова отправился за едой. Что ж, надо устроить последние проводы жизни, гульнуть напоследок, а там уж...

Он шел, обдумывая меню последнего в своей жизни ужина, и не обращая внимания на окружающее.

Если бы он не был так погружен в свои мысли, отрезав восприятие мира напрочь, то, возможно, обратил бы внимание на трех подозрительных субъектов, идущих за ним по пятам. Но это было бы при условии «если». Однако этого «если» сейчас не было. А было вот это его самопогружение, какое с ним часто было в последнее время.

Едва он приблизился к освещенной изнутри двери в магазин, как что-то твердое уперлось ему в спину, и хриплый мужской голос сказал:

– Тихо, не рыпайся. Делай, что тебе говорят, и останешься жить.

– Зачем? – искренне удивился он. – Жить я не хочу.

– А я хочу! – рявкнул незнакомец. – Живо внутрь и без фокусов. Подойдешь к кассе и потребуешь все деньги. Понял?

Стэн не ответил, не очень даже сообразив, в какую новую историю он сейчас влип.

– Понял?! – захрипел неизвестный у него за спиной, дыша ему в шею перегаром.

– Нет, не понял, – искренне признался Стэн.

– Тогда повторю в последний раз. Мы входим, ты требуешь деньги, получаешь их, мы выходим, и все – конец концерту. Ты в одну сторону, мы – в другую. Давай, открывай дверь и не дергайся, а то я прострелю тебе печенку. Вот, держи.

Неизвестный всунул в руку Стэну пистолет.

– Не суетись, в нем нет патронов, но без него не будет нужного эффекта, – пояснил все тот же хриплый голос у Стэна за спиной.

После этого его с силой втолкнули в магазин, подвели к кассе и выразительно пихнули стволом в бок.

– Давай! – злобным шепотом зашипел незнакомец Стэну в ухо. – Давай, не тяни!

– Давай! – как эхо повторил за ним Стэн, обращаясь к кассиру.

– Давать что? – не поняла его она.

– Деньги! – пояснил Стэн, получив в бок еще один тычок стволом от стоящего позади него человека.

И когда такой же, но еще более явственный тычок повторился, Стэн сказал опять, уже более громко, наставив на испуганную кассиршу пистолет:

– Деньги! Давай все деньги!

Дальше все происходило как во сне.

Пачка денег, бегство из магазина, удаляющийся за спиной крик пришедшей в себя кассирши, топот ног, какой-то пустырь на задворках, куда они все добежали, переводя дух.

– Тебе чего надо?! – хрипло проговорил тот самый из троих, кто угрожал Стэну пистолетом. – Я же сказал тебе бежать в другую сторону.

Это было правдой, но Стэн почему-то побежал вместе с этими тремя, повинуясь какому-то стадному инстинкту.

– Ладно, давай свой кошелек и вали отсюда, – проговорил незнакомец, обращаясь к Стэну и выставив в его сторону пистолет.

Стэн инстинктивно тоже вытянул в его сторону руку со своим пистолетом.

Со стороны это было похоже на какой-то фильм про ковбоев, но только вот патроны были у одного из дуэлянтов и, увы, совсем не у Стэна...

Он понял совершенную им глупость слишком поздно, когда на него со всех сторон посыпались удары... После чего он быстро рухнул вниз, теряя сознание и погружаясь в тьму, еще более густую, чем даже реальная тьма окружавшей его ночи... Последнее, что он почувствовал перед тем, как провалиться в эту тьму, были пронзительные звуки полицейских сирен, да еще топот убежавших от него ног...

Когда он все-таки очухался, то ощутил, что земля под ним совершенно черная и жутко холодная... Голова нестерпимо болела и кружилась. Тошнило. Он попытался приподняться. И тут же упал снова. Ватные ноги и руки совершенно не работали. Пространство уронило его опять и даже после падения продолжало кружиться.

Он лежал несколько секунд, втягивая в себя свежий ночной воздух. В груди что-то хрипело. Стучало в висках. На лице он чувствовал прилипшую грязь.

Набравшись сил и упираясь руками в землю, он все-таки сел. От этого голова начала болеть еще сильнее. Словно невидимые тиски сжали ее с двух сторон. В глазах было темно. Впрочем, это и не удивительно – ведь была ночь, напоминающая о себе не только тьмой, но еще и холодом.

Он обхватил голову руками, пытаясь утихомирить боль, но это ничуть не помогло. Надо было вставать. Что он и сделал, еле не свалившись снова. В ушах звенело. Мир наклонился вправо. Он наклонился влево, чтобы удержать равновесие. И тут мир наклонился до отказа, перевернул его и ударил в спину.

Было ужасно больно.

Он собрал последние силы и снова встал. Попытался удержать равновесие. И к счастью удержал. И двинулся на плохо слушающихся ногах прочь.

Он брел, наступая в блестящие лужи, а в раскалывающейся от боли голове звучала единственная мысль: «Главное не упасть, главное не упасть...».

Вскоре он вышел на освещенную улицу, добрался до поворота. Завернул за угол.

Никого.

Прислонился к ограде. Почувствовал запах мочи и еще чего-то гадкого.

Ничего, плевать, главное – устоять и не грохнуться вниз.

Ему казалось, что если он сейчас упадет, то уже не встанет никогда. Тут он ощутил, что что-то теплое течет по его лицу, капает на одежду. Проведя рукой по лицу и глянув на нее, он понял, что это кровь.

Все лицо его было в крови. Теперь и рука тоже.

«Господи, кто-нибудь, пожалейте меня!..» – застонало его сердце...

Пропитанный мочой, неподвижный воздух заполнял легкие. От этого его начало тошнить. Он стал хватать ртом куски тяжелого вонючего воздуха, пытаясь успокоить тошноту. Но напрасно: от этого тошнило еще сильнее.

Его опрокинуло на землю.

И там, на земле победившая его тошнота стала выворачивать его наизнанку. И выворачивала до тех пор, пока изо рта у него не полилась желчь. Несколько раз он ударился лицом об асфальт, в кровь разбив губы. Казалось бы все, рвать уже больше нечем, но проклятая желчь все вытекала и вытекала, обжигая воспаленное горло.

Героем быть тяжело. Герои должны умирать. Пусть... Черт с ней, со смертью, она была бы настоящим облегчением... Но не так же...

Вокруг не было никого. Был только черный и холодный тротуар. Все тело болело. Каждая его клеточка. Он в изнеможении повалился на асфальт.

Потом все-таки поднялся, увидев в луже под собой, где вперемешку с кровью и блевотиной плавали ночные звезды, свое отражение. Мертвое, пустое, совсем чужое ему.

Он тихо заплакал. Слезы текли из глаз и смешивались с кровью на щеках.

Он вытер лицо рукавом.

И тут услышал, как за спиной у него раздался звук мотора. Громко хлопнула дверца. Кто-то уверенными шагами подошел к нему, поднял за шиворот, поставил на ноги. Зачем?

Это был полицейский.

Впрочем, Стэну было уже все равно. Пусть. Хрен с ними со всеми. Лицо полицейского было равнодушное. Он увидел блестящую звезду на черном кителе. Что-то еще блестящее. Полицейский принялся шевелить губами, даже какие-то звуки стали до Стэна доходить, но он ничего не понял, словно бы полицейский говорил на чужом, непонятном ему языке. Слова вроде были обычные, но он их не понимал. Фразы застревали в его ушах и смешивались в непонятную ему словесную кашу. Полицейский продолжал что-то говорить. Но Стэн все равно не понимал. Ему было плохо. И снова какие-то непонятные для него слова. Он помотал головой, раскрыл кровоточащий рот и зашевелил в ответ разбитыми в кровь губами. Однако вместо голоса из него вырвался какой-то нечленораздельный хрип. Вдобавок ко всему красная, пузырящаяся слюна потянулась у него изо рта, шлепнулась на асфальт.

Он стал кашлять, разбрызгивая вокруг капельки желчи и остатков рвоты. Полицейский выругался, отпихнул его, отчего он повалился на землю, словно куль с дерьмом. И тут, лежа на земле, он услышал, как позади него хлопнула дверца, потом мотор завелся, и машина уехала. Через несколько минут он все-таки поднялся, сел, прислонившись спиной к стене какого-то строения, достал сигаретную пачку. Она была вся заляпана кровью. Вытащил сигарету. Она была тоже в крови. Спички. И они оказались в крови. Затянулся несколько раз, закашлялся, отшвырнул сигарету. Из глаз потекли слезы.

Он обтер лицо рукавом.

Он не помнил, как добрался до дома. Память об этом как отрезало.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит в пустой ванне. Едва разлепив глаза, он тут же зажмурил их – голова трещала нестерпимо, словно спелый арбуз под катком. Он хотел было пошевелить ею, но от этого ее еще больше раскочегарило. Стэн попытался вспомнить, что же это такое с ним произошло, но от этого внутри ноющего черепа прошла новая волна головной боли. Во рту было как кошки насрали, пить хотелось невыносимо. И тут он понял, что лежит в ванне совершенно голый. Голый в обшарпанной с подтеками ржавчины ванне без всяких признаков воды. Наверное, он хотел обмыть себя, но не смог включить воду. Или забыл про это.

Господи, что это с ним такое было? Какие-то смутные воспоминания выползли из памяти, потом снова исчезли. Стэн испугался: что же, все-таки там было, позади, раньше? В какую еще историю он влип?

Он попытался сесть или хоть как-то подняться.

Невероятными усилиями это ему все-таки удалось. Привалившись спиной к торчащей из ванны трубе, он включил воду, подставил себя под нее, с закрытыми глазами нащупал кусок мыла и стал смывать с себя все, что только можно было смыть...

Через какое-то время он кое-как пришел в себя. Желая узнать хоть что-то, включил телевизор. Вскоре стали передавать криминальные новости.

Что ж, он узнал, что хотел: вчерашнее ограбление магазина в его районе, снова его, Стэна, лицо, на этот раз уже не в виде фоторобота, а запечатленное на камере слежения перед кассой, которую он, вернее сказать они, обчистили вчера поздно вечером.

Так он снова превратился в преступника, став с этого момента еще более осторожным, покидая дом только в случае крайней необходимости.

Для пущей надежности он отрастил бороду, удивившись как она преобразила его, сделав почти неузнаваемым.

Где-то через месяц после случая с магазином, он вышел в очередной раз на улицу, направившись за покупками.

Проходя мимо какого-то бомжа, лежащего не то в луже крови, не то еще чего-то бурокрасного, он вздрогнул: лицо несчастного было рассечено чем-то острым, шея искромсана. Так что это была, скорее всего, кровь.

Паршивые тут были места... Но делать было нечего: при его таящих деньгах выбирать не приходилось, ведь место для съема жилья было дешевле некуда.

Вынужденный выходить из дома по ночам, он уже не оставлял оружия дома: не хватало еще попасть снова в чьи-нибудь лапы.

Уже подойдя к своему дому с парой бумажных пакетов съестного, Стэн внезапно ощутил, что за ним следят. Он замер, потом со всех ног бросился в тень. Он еще не понимал, с какой стороны исходит угроза, и потому прижался спиной к стене, поставил пакеты на землю и достал пистолет. Еле заметное движение происходило совсем рядом с ним, потом из темноты раздался властный мужской голос:

– Не дури, я успею выстрелить раньше, чем ты меня увидишь.

– Что ты хочешь? – спросил Стэн.

– Брось пистолет, – приказал голос.

Стэн выполнил просьбу, выбросил трофейный пистолет, который когда-то забрал у полицейского в туалете магазина, и вышел на свет, подняв руки и, повернувшись вокруг себя на 360 градусов, вернулся на прежнее положение – лицом к говорящему, которое так и не мог рассмотреть в темноте.

– Ну, кто тут такой страшный, выходи, – произнес он спокойно.

Из темноты вышел человек в штатском, держа в одной руке пистолет, в другой – полицейский жетон.

– Вы Стенли Вудворт Джеккинс? – спросил человек.

– Ну, я, – отозвался Стэн.

– Вы арестованы, сэр.

– Что ж, арестован так арестован, – вздохнул Стэн, и, протянув руки вперед, сказал равнодушно: – Одевайте свои наручники, раз уж поймали самого опасного в мире преступника.

– Иди к машине, – ответил ему человек.

– А где машина-то? – поинтересовался Стэн.

– За углом.

Через минуту они уже были у машины.

– Давай, садись на заднее сиденье, – приказал человек в штатском, открыв перед Стэном дверь. – И без глупостей.

– Без глупостей, так без глупостей, – безразличным голосом произнес он.

Однако едва дотронувшись до дверцы машины, он вдруг с силой пихнул ее назад, сбив человека с ног, и бросился наутек, свернув за угол дома, где только что прятался. Полицейский быстро вскочил на ноги и бросился за ним в погоню. Но не успел он обогнуть угол дома, как получил страшный удар чем-то длинным и тяжелым поперек корпуса, отчего снова рухнул на землю.

Стэн, отбросив доску в сторону, приставил к голове лежащего на земле полицейского только что подобранный пистолет и приказал:

– Не шевелись, а то выстрелю.

Видя, что полицейский не собирается сопротивляться, он быстро нашарил у него под пиджаком наручники, защелкнул их у того на запястьях, забрал служебный пистолет и сказал:

– Лежи тут и не рыпайся полчаса, понял?

Полицейский молчал.

– Понял?! – Стэн нагнулся к лежащему и, схватив его за плечи, потрянул. – Понял, я тебя спрашиваю, сука?!!

– Да! Да! Понял, понял! – поспешил заверить его лежащий на земле человек.

Стэн бросил полицейского обратно на землю и, переступив через него, заспешил к себе в квартиру: пора было убираться из этого района, в котором оставаться было уже более чем опасно...

С этого дня для Стэна наступило время скитаний по стране.

Снова и снова были дороги, холод и дождь, снег и град, и испепеляющее солнце и снова ночь и снова день, и снова ночь... Если бы он смог хотя бы раз встретить того, кто мог бы ему внятно объяснить – зачем ему бежать куда-то, зачем скрываться, зачем вообще жить человеку, когда из этой его жизни давно уже ушла цель. Но таких мудрецов он не нашел. Да и были ли они?

Глупо было бегать по миру, боясь каждого полицейского. Гораздо проще взять и покончить с собой. Но странное дело – опасность быть арестованным толкала его к бегству, а, следовательно, отдаляла от смерти. Это было нелогично, хотя все последнее время он только и делал, что поступал вопреки здравому смыслу.

Он ловил себя на том, что чем больше была опасность его ареста, тем больше ему хотелось жить.

Для чего и для кого? Он не знал. Просто жить – и все.

Он плутал по городам, пробавляясь случайными заработками, петлял по стране, пытаясь сбить со своего следа нет, не полицию даже, которой наверняка и без него дел хватает, а эту адову муку, порождаемую памятью, муку, что шла и шла за ним по пятам подобно голодной волчице, ждущей только случая, чтобы вцепиться в него и больше уже никуда не отпустить.

Сначала он остерегался полиции, потом перестал: ведь он не был ни убийцей, ни сколько-нибудь известным преступником, на которого можно и нужно было бы устраивать тотальную охоту по всей стране. Он просто бежал от самого себя, плутал и плутал, спускаясь все ниже и ниже на дно, с каждым днем все больше и больше теряясь и теряя, перестав обращать внимание на себя, на бесконечные резкие повороты, падения и предательства, тщетно пытаясь уйти, спастись от наваждения, найти хоть какой-нибудь угол на этой проклятой земле, в котором он смог бы отгородиться от мира и вернуться назад, к самому себе.

Он не помнил, кого встречал на этом бесконечном пути от себя и к себе, впрочем, и всем остальным он был не особенно нужен, а поэтому и его наверняка никто тоже не помнил.

Что есть у человека, кроме надежды? А что есть у того, у кого и надежды-то никакой нет?

В конце концов, потратив последние деньги и вконец опустившись, он в один прекрасный момент вдруг отчетливо понял, что жить ему больше уже не нужно.

А что нужно?

Нужно непременно побывать там, в далеком Бостоне, на кладбище, побывать в последний, прощальный раз, чтобы проститься с ними, с двумя уже давно покинувшими поверхность земли телами, с двумя не покинувшими его, Стэна, душами...

Да, у него появилась ясная конечная цель его жизни: добраться, доцарапаться до знакомой могильной плиты... чтобы иметь возможность лечь в землю рядом с ними, а не где-нибудь еще, вдалеке от них. Ведь не на свалке же подохнуть, в самом деле!

Теперь у него не будет препятствий на этом последнем пути, в конце которого его ждет прощание и смерть, прощание и смерть... Никто, ничего уже его не остановит...

Да, он оказался на дне жизни, но, упершись сейчас в это дно ногами, коснувшись его, он решил все-таки оттолкнуться от дна и выплыть на поверхность, пусть там и плавают всякая пена. Черт с ней, он уже ничего не боится в этой жизни, потому что ему уже ничего не жалко потерять.

С этого дня он будет двигаться к Восточному побережью, туда, в Новую Англию, в чинный скучный Бостон, к старому кладбищу как последнему его, Стэна, пристанищу и цели.

Решено.

Раз и навсегда.

Что ж, когда есть цель, то и средства ее достижения тоже будут. А еще будет смысл жить. Пусть только на этом пути от себя к ним, лежащим под могильной плитой, но все-таки это лучше, чем то, что было у него раньше.

Через три недели он добрался до Бостона.

Было раннее утро. Он стоял на коленях перед их могилой и плакал, не стыдясь и не утирая слез, плакал от облегчения и удачи: он, Стэнли Вудворт Джеккинс наконец, наконец, наконец добрался до пункта своего назначения...

Всего одно событие, которого он никак не мог ждать или предвидеть – их смерть, не отпустит теперь его никогда и не позволит свободно дышать...

Поэтому и жить ему совсем не зачем.

Все предельно просто.

И от этого на душе у него стало вдруг необыкновенно ясно и хорошо. Как давно уже не было.

Он все стоял и стоял на коленях, сжав ладони в молитвенном жесте и закрыв глаза. Стоял без звука, без зрения, без движения. Ему оставались только воспоминания. Здесь была последняя точка его недлинной повести. История его жизни должна закончиться именно тут. Это ему было совершенно ясно.

И не надо никуда больше бежать.

Перед его мысленным взором были они: Эмили и Сью.

Пробыв с ним некоторое время, они стали удаляться белыми пятнами. И вот их уже опять нет...

А что же есть?

Есть пустота...

И еще очень сильный холод...

То ли снаружи, то ли внутри.

Впрочем, это уже и не важно.

Он вздохнул, открыл глаза и встал с колен.

Каркали вороны, которые почему-то так любят кладбища.

Он машинально отряхнул землю с брюк и почувствовал, что смотрит на жизнь уже совсем по-другому, не так как было каких-то полчаса назад.

Мир изменился почти мгновенно.

В нем осталось всего два чувства: легкий почти незаметный голод и невыразимое, забытое уже им спокойствие.

Почти мировое спокойствие, которое, говорят, обычно снисходит на алкоголиков, да еще на великих философов, которые всю жизнь только и делали, что искали ее, жизни, смысл.

Может, это от того было, что и он нашел-таки этот смысл. Нашел его здесь, на пустынном кладбище.

Смысл его жизни был теперь один – его как можно более скорая смерть.

Стэн поежился, поднял воротник пальто и, достав «Беретту», снял ее с предохранителя.

И тут за спиной его раздался чей-то тихий, но все же явственно слышимый голос:

– Да, счастливой жизни нет, есть только счастливые мгновения ее.

Он резко обернулся и увидел невысокого седого узкоглазого старика. Это был то ли японец, то ли кореец, то ли китаец – Стэн плохо различал разницу между людьми из их краев.

Старик протянул ему сухую морщинистую руку и сказал:

– От души поздравляю нас обоих.

«Господи! Мне сейчас не хватает только сумасшедших косоглазых стариков!» – подумал Стэн, однако все же пожал протянутую ему руку.

Странно, но рука у старика была твердой как гранит.

– Вы кто? – спросил Стэн, быстро спрятав пистолет в карман.

– Важно не кто – я, а кто – вы, – ответил незнакомец.

– И кто же, по-вашему, я? – усмехнулся Стэн, не очень понимая, о чем старик говорит.

– Вы – тот, кого я давно ищу, – пояснил старик и мягко улыбнулся. – Вы ведь мистер Стэнли Вудворт Джеккинс, если я не ошибся?

– Да, – несколько опешив, отозвался Стэн. – Господи, да откуда вы меня знаете?

– Это не важно. Важно то, что вы сейчас думаете о том, что есть глубочайший смысл в словах сэра лорда Байрона: «Считайте часы счастья, пережитые вами, считайте дни, проведенные без страданий, и знайте, кто бы вы ни были, что еще лучше и не быть». Что, разве я не прав? Так что давайте не будем тратить время понапрасну и поспешим сделать то, что нам с вами сделать надлежит.

Видя, что Стэн все еще никак не может прийти в себя, старик сказал:

– Увы, человеческая плоть слаба. Что не скажешь о душе. У нас мало времени на ерунду, мистер Джеккинс. Его вообще мало. Поэтому прошу вас следовать за мной.

Сказав это, он повернулся и быстро зашагал по направлению к выходу с кладбища, даже не сделав никакого пригласительного жеста, видимо точно зная, что Стэн непременно последует за ним.

Впрочем, Стэну и вправду ничего не оставалось, как отправиться за странным косоглазым стариком, неведь откуда взявшимся и неизвестно куда уходящим сейчас от него по дорожке между могилами...

Глава 4. Замок Альфом.

Стэн тряхнул головой, протер глаза и посмотрел на часы, которые сообщили ему, что ли не сутки прошли с того самого мгновения, как он отошел от могилы и отправился вслед за стариком...

Все это время они без устали разговаривали в роскошном номере отеля, где остановился старик. Вернее сказать, больше говорил Стэн, а старик почти все время молчал, слушая его рассказ. Звали старика Акира Таримура. Он был японец. Это всё, что он сообщил Стэну. Впрочем, тому не было до остального дела. У Стэна как плотину прорвало: он все говорил и говорил без устали, не обращая внимания на время. И странно – при этом он совсем не чувствовал усталости. Впрочем, старик, вроде бы тоже.

Сейчас Стэн как раз заканчивал подробное описание убийства того самого, последнего из семерых, что исковеркали ему жизнь. При этом он не ощущал никакой опасности оттого, что этот странный старик может его выдать полиции или еще как-то использовать его, Стэна, откровения против него же самого.

– О чем это я рассказывал? – спросил Стэн, отвлекшись от своего рассказа и потеряв нить повествования.

– Про то, как рассчитался с тем, последним убийцей твоих родных, – напомнил ему старик.

– Ах, да, правда, – вспомнил Стэн. – Что ж, не скрою, я убил его с тем же удовольствием, как и его предшественников. Вот так запросто взял и убил. Интересно, оказывается это настолько легко, что даже странно. И главное – никаких угрызений совести. Я долго размышлял, как порешить его, долго выслеживал. А когда убил – ощутил себя спокойным как слон. Стоял над ним, а он лежал на земле передо мной, расстрелянный в упор, весь какой-то несуразный – одна нога подвернута под себя, руки раскинуты в стороны. На всякий случай я выдал ему контрольный кусок свинца в голову. Как в глупых фильмах про киллеров-профессионалов. БАХ! Стою и смотрю, как начинает течь кровь – лужа под ним расплзается все больше и больше. Насколько легко все получалось с ними со всеми, что даже не верится. Чик и все: очередной объект готов к переходу в иные миры. В общем, убил этого последнего и быстро ушел, напроочь забыв про то, что сделал. И никаких угрызений совести не испытывал. Никаких. Вы думаете, что злое начало всегда побеждает в человеке доброе?

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что зло оно и есть зло. Возьмите зло в моей душе. Зло, с которым я ничего не могу поделать. Чем оно для меня было? Скажу честно – оно давало мне силы жить. И потому я культивировал в себе это зло, не позволял ему исчезнуть. Не скрою: меня ожидало большое потрясение от знакомства с собой настоящим, каков я есть на самом деле... Впрочем, это мало интересно, поскольку я не собирался жить дальше. Поэтому и потрясения особого я не испытал. Так, небольшое удивление и всё.

– Я понимаю – тебе по-прежнему не хочется жить.

– Жить?! – усмехнулся Стэн. – То есть пребывать в вечном, нескончаемом одиночестве, задыхаясь от невозможности быть частью этого трижды прекрасного мира?! Жить, чтобы в конечном итоге очутиться в психушке? Дабы и там процеживать память, но теперь уже сквозь решетки на окне?! Или вы станете мне доказывать, что в этой моей жизни остался хоть какой-нибудь смысл?

– Я знаю только одно: ты обязательно найдешь этот смысл.

– Где? – Стэн криво усмехнулся. – Где я его найду – в секс-шопе? Бросьте! Нет никакого смысла в этой моей жизни. Нет смысла жить, нет смысла бояться, ведь страх – эволюционное

приспособление, помогающее сохранить собственную шкуру. Но какой во всем этом толк? Зачем беречь свою шкуру, если она мне опротивела? Я признал свое поражение. Вот и все.

– А я не признаю поражений. Для меня есть только один путь – Победа. Даже если я промахнулся... Только Победа.

– Вы не поверите, но для меня все это пустые слова. Возьмите мой случай. Раньше я не был злым. И не обозлился бы, если бы дух небытия не пожрал их, Эмили и Сью. Я не хотел понимать, что они ушли. Даже в своих мыслях я не мог признать этого. Они не могли умереть. Не могли – вот и все! Но я боюсь...

– Что рано или поздно тебе придется это осознать?

– Да. И не только это, но и многое, многое другое. Страшно не умереть, нет, этого я как раз и не боюсь. Страшно осознавать, что больше ничего не будет. Смерть забирает у нас все, все самое дорогое. Люди, которые ушли, больше никогда не вернуться. Вот в чем весь ужас. Никто не оттащит меня от пропасти.

– Конечно. От пропасти тебя оттащить никому другому не удастся. Никому. Это верно.

– Ну, вот видите!

– Только ты сам сможешь оттащить себя от нее. У тебя есть выбор – вот что ты должен понять. Кем ты хочешь быть? Кто ты сейчас?

– Если честно – сейчас я опустошенный сосуд.

– Отлично. Наполни его тем, что хочешь ты, а не другие.

– Я ничего не хочу. Небо тому свидетель! – заверил старика Стэн.

– Небо... Небо остается и будет оставаться тем же самым, что было десять, сто, тысячу лет назад. Есть вещи, которые меняются медленно, а есть вещи, которые меняются быстро.

– Например?

– Например, люди.

– Люди меняются быстро? – усмехнулся Стэн. – Что-то не замечал.

– Я имею в виду их быстрое изменение по отношению к нам. К нам лично. Например, вчера они были плохие – сегодня хорошие.

– Наоборот – бывает. А так, как вы говорите – не припомню. Поэтому я не люблю людей.

– А компьютеры?

– Их – люблю.

– Почему?

– Потому что с ними проще. Они делают только то, что ты им скажешь. Им не надо объяснять дважды. Это настолько удобно и гармонично, что даже пугает.

– А люди?

– Мне нет до них дела.

– Но ты ведь тоже человек.

– Ну и что? Что толку от того, что я человек?! – воскликнул Стэн с раздражением. – Кому это нужно?!

– Тебе самому.

– Чуть собачья! – зло произнес Стэн и добавил: – Какой прок в том, что я человек, если я уже давно не живу, а существую? Или вы знаете, как мне перестать существовать и начать по-настоящему жить?

– Это очень просто. Скажи себе – долой вирусы душевной смуты и упаднических настроений!

– По-вашему есть спасительная вакцина от моей болезни?

Стэн произнес последние слова с каким-то странным раздражением. Тем более странным, что этот старик, видимо хорошо знал, что говорил.

И чем больше Стэн раздражался, слушая слова японца, тем более тот был спокоен.

Вот и сейчас он все тем же ровным безэмоциональным голосом ответил ему:

– Это тебе только кажется, что спасительного лекарства от твоей болезни нет. Это всё оттого, что ты спишь. Все люди спят. Поначалу они просыпаются, затем бодрствуют, чтобы опять заснуть. Это они называют жизнью. Маленький сон во время вечного сна – вот что такое жизнь. Ты хочешь узнать про свой сон?

– Да.

– Зачем? Спи, как и спал.

– Я хочу найти свой путь. Как мне это сделать?

– Всё, что нам нужно уже есть у нас внутри. То, что нужно тебе, уже пребывает в тебе самом. Тебе осталось только найти это запрятанное внутри тебя самого. Если хочешь обрести смысл и протянуть мост над обрывом – то должен это сделать. Должен – вот твой спасительный круг в океане бурь. Должен и всё тут. Должен идти, должен победить свою слабость. Иначе она утащит тебя на дно. Именно слабость – твой самый опасный враг, который у тебя внутри. А снаружи твои враги те, кто отнимает или хочет отнять жизни у невинных, – пояснил его собеседник.

– Таких миллионы и миллионы. Что я могу сделать с ними со всеми один?

– Выдержать свою слабость. Выдержать, чтобы побороть ее.

– Ради чего?

– Ради того, чтоб показать другим, чего ты стоишь. А больше всего – показать это самому себе. Тебе нужно во что бы то ни стало продолжить идти вперед к своей единственной цели. Чтобы не быть неудачником. Чтобы испытать себя. И чтобы себя победить. Труден всего лишь первый отрезок пути. Дальше будет легче. Твои шрамы зарубцуются. Пережитая боль сделает тебя сильнее сильных. Ты станешь мудрее и больше не повторишь сделанных ошибок. Ты выдержишь следующее испытание достойнее. А их еще будет много в твоей жизни.

– Моя жизнь... на черта она мне сдалась?! – воскликнул Стэн в сердцах.

– Отдели свою жизнь от жизни слабого большинства. Пусть малюсенькие котелки их крохотных жизней продолжают понапрасну кипеть. Пусть их варево булькает, пусть их никчемные судьбы бултыхаются и перемешиваются друг с другом. Твоя же жизнь не должна останавливаться или сбавлять темпа. И пусть остальные продолжают карабкаться вверх на вершину успеха, пусть перерезают друг другу глотки, дергают за ноги и спихивают в пропасть. Пусть! Твой путь – другой.

– И что же мне надлежит делать на этом пути, даже если он и есть?

– То, что и всегда.

– Что же это? Я не очень понял, про что вы говорите, – признался Стэн.

– А чем ты был занят до того, как все это произошло? По-моему создавал разные полезные программы.

– Откуда вы это знаете?! – искренне удивился Стэн.

– Знаю.

– А что вы еще про меня знаете?

– Многое. Но не в этом дело. Сейчас главное не в том, откуда я знаю о твоей работе, сейчас для тебя важнее, что я здесь.

– Вы работаете на правительство Японии? – предположил Стэн. – Или на японскую разведку? А, может, на какую-нибудь электронную корпорацию?

– Ни на кого я не работаю. Вернее сказать, я работаю на всех.

– То есть? – не понял слов старика Стэн.

– Это ты поймешь потом. А сейчас я скажу тебе одно: я здесь нахожусь только для того, чтобы ты понял – главная задача жизни каждого человека состоит в том, чтобы настоящее сделать настолько приятным, настолько заслонить им прошлое, чтобы это прошлое умерло, чтоб к нему не тянуло. Пойми: ты никому кроме себя не нужен. По крайней мере, сейчас. Но

разве быть нужным себе самому – мало? Что ты помнишь наиболее ярко из того, что было за последние сутки твоей жизни?

– То, что я пытался покончить с собой.

– Нет, это не выход, – убежденно проговорил старик.

– Почему?

– Потому что смерть это слишком легко. У тебя же есть выбор... Не слушай свою боль – из-за нее ты можешь пропустить что-то важное. Поднимайся, а не опускайся. Но поднимаясь в гору, имей мужество пройти по обрывистой тропе. Идя по снегу, имей мужество пройти по скользкому насту. В слове «мужество» заключен глубочайший смысл. Если на опасных поворотах жизни и на ухабах мирских путей тебе не хватает мужества, ты непременно застрянешь в какой-нибудь заросшей бурьяном яме.

– Истину трудно найти, если не знаешь правильного пути к ней.

– Дорога, на которой люди соперничают друг с другом, узка. Сойдя с нее, ты сможешь идти, куда хочешь по бескрайнему простору, и тогда весь мир и все дороги вселенной будут принадлежать тебе. На истинном Пути нет проторенных троп. Тот, кто им идет, одинок и в вечной опасности.

– Я и вправду одинок, – признался Стэн. – И вокруг меня непроглядная тьма.

– Лишь пожив внизу, узнаешь, как опасно карабкаться наверх. Лишь побывав в темноте, узнаешь, как ярок солнечный свет. Когда на сердце светло, то даже в темном подземелье блещут небеса. Когда же в мыслях мрак, то и при свете солнца плодятся демоны.

– Мои мысли давно уже спутались.

– А ты перестань думать. Над сосудом, в котором рыба протухла, роятся мухи назойливых мыслей. Выброси рыбу и омой этот сосуд, тогда и не будет мух. Когда в душе нет твердости, отвернись от красок и звуков мира, дабы мирские соблазны не смущали твое сердце.

– Я не падаю до соблазнов мира.

– Но у тебя все еще нет стойкости.

– Это правда. Иногда я спокойно переношу трудности, а иногда – нет.

– Это оттого, что ты воспринимаешь трудности как наказание, а не как благо. Когда ты научишься принимать мир как Учителя, когда ты возрастишь в себе непоколебимую стойкость, тогда ты смело сможешь окунуться в любую скверну. Если сполна изведать сладость и горечь этого мира, то какие бы бури ни бушевали вокруг, ты и бровью не поведешь. Не бойся опасностей, не бойся смерти – тогда только ты и будешь жить.

– Я не боюсь смерти, – заверил своего собеседника Стэн. – Я боюсь, что не успею сделать то, что должен. Хотя не ведаю своего предназначения. Но ведь оно есть! Иначе зачем же я тогда родился? Коротать время между юношескими прыщами и старческими морщинами?

– Утихомирь свою страстность в поисках пути: в котле с кипящей водой не найти холодного места. В пылу страсти не сохранить разума, ибо когда ты пылаешь – то рассудок твой исчезает как льдинка в огне костра. Если станешь хладнокровно смотреть на горячность, то узнаешь, что поспешность бесполезна в делах касающихся вечности.

– Я потерял покой в поисках того, что может удержать меня в этой жизни. Мне почему-то кажется, что я могу много сделать. Но сколько я не ищу, я так и не мог найти смысла своей жизни, своего главного дела в ней. Я чувствую, что оно где-то рядом, но каждый раз оно ускользает от меня.

– Однажды один человек, ищущий лучшее место для постижения мудрости жизни и обошедший тысячу земель, оказался на базаре, где мясник торговал мясом свиньи. И тут один покупатель спросил мясника – какой кусок у свиньи лучше? Что ответил ему мясник, как ты думаешь?

– Не знаю. Я плохо разбираюсь в разделке свиных туш.

– А как бы ты ответил, если бы тебе нужно было продать все куски, даже не очень хорошие?

– Наверное, я бы сказал, что все куски одинаково хороши.

– Именно так и ответил торговец. Вполне может стать, что это было обманом. Но именно тогда на этого человека, что искал лучшее место для постижения мудрости, нашло просветление. Именно тогда он постиг, что всякое место в этом мире – лучшее. Ты уже сделал много шагов на правильном пути.

– Хорошо было бы, если бы путь этот привел меня к тому, что я ищу. Для этого я буду трудиться всю жизнь. И готов перенести любые лишения.

– Не надо чересчур истязать себя, тогда не будешь знать ни настоящего отдохновения, ни настоящей радости, – заметил старик. – Если вечно отказывать себе в радостях, то для окружающих ты будешь подобен мертвящему дыханию осени. Не умирай для жизни раньше, чем умрет твое тело. И помни: найти путь очень трудно, но еще труднее – идти по нему, особенно до конца. Готов ли ты к тому, что тебе придется много претерпеть на этом твоем пути?

– Не больше, чем я уже претерпел. Да и смерти я не боюсь.

– Тогда трудись, чтобы ее не боялись другие.

– Что вы имеете в виду? – Стэн заволновался, ибо вдруг явственно почувствовал, что сейчас, именно сейчас и услышит то, ради чего он здесь.

– То, о чем я тебе только что сказал, – отозвался старик. – Плотник плотничает, воин воюет, пахарь пашет землю, женщина рожает и воспитывает детей, занимается домом. Но всем им мешает разбойник. Сделай так, чтобы усмирить разбойников или хотя бы огороди честных людей от страха, что разбойник придет и отнимет их имущество, здоровье или даже жизнь. Путь сильного – становиться еще сильнее. Настолько сильнее, чтобы достало сил защищать слабых. Все остальные пути приведут тебя в пропасть. Если ты таков – то это и есть твой путь, если нет – тогда ты напрасно вдыхаешь воздух этого мира. Окружив себя неприступным замком, ты создашь в уединении то, что в тебе зреет уже сейчас. Это и будет щитом, оберегающим мир от зла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.